

Серия «Артём Волков»

Книга первая

КРОВЬ НА ПОГОНАХ

АЛЕКСАНДР МУРО

Александр Муро

Кровь на погонах

<https://litres.ru/73949858>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сочи. Смерть влиятельного бизнесмена Льва Аронова сначала кажется

обычным делом для местного управления. Но сотрудник ФСБ Артём Волков

быстро понимает: за этой смертью скрывается нечто большее, чем деньги, связи

и борьба за влияние. Тайные маршруты, исчезнувшие свидетели, подмененные биографии, архивы, которые нельзя открывать, и ребенок, чье имя может разрушить старые

договоренности, — всё это постепенно складывается в одну страшную картину. Чем ближе Волков подходит к правде, тем яснее становится: в этой игре

невозможно остаться чистым. Одни убивают. Другие молчат. Третьи

подписывают документы. А самые опасные — те, кто умеет превращать кровь в

государственную необходимость. Чтобы победить, Волкову придется сделать первый шаг туда, откуда уже не возвращаются прежними.

Александр Муро

Кровь на погонах

©

Александр Муро
, 2026

Все права защищены.

Любое воспроизведение, распространение или использование текста полностью или частично без письменного разрешения автора запрещено.

Все персонажи и события романа являются художественным вымыслом. Любое сходство с реальными людьми, организациями или событиями случайно либо использовано в художественных целях.

АННОТАЦИЯ

Сочи. Смерть влиятельного бизнесмена Льва Аронова сначала кажется обычным делом для местного управления. Но сотрудник ФСБ Артём Волков быстро понимает: за этой смертью скрывается нечто большее, чем деньги, связи и борьба за влияние.

Тайные маршруты, исчезнувшие свидетели, подменные биографии, архивы, которые нельзя открывать, и ребенок, чье имя может разрушить старые договоренности, — всё это

постепенно складывается в одну страшную картину.

Чем ближе Волков подходит к правде, тем яснее становится: в этой игре невозможно остаться чистым. Одни убивают. Другие молчат. Третьи подписывают документы. А самые опасные — те, кто умеет превращать кровь в государственную необходимость.

Чтобы победить, Волкову придется сделать первый шаг туда, откуда уже не возвращаются прежними.

Самые опасные люди — не те, кто проливает кровь.

А те, кто умеет оформлять ее как необходимость.

В Сочи море редко бывает спокойным.

Даже когда поверхность кажется ровной, под ней всегда что-то движется: течение, грязь, нефть, чужие тайны, выброшенные на берег слишком поздно.

Артём Волков знал: город умеет притворяться курортом.

Но за фасадами санаториев, за кабинетами, за служебными коридорами и закрытыми воротами жила другая реальность.

Там не спрашивали, кто виноват.

Там спрашивали, кого удобнее назначить виновным.

Пролог

Кабинет с видом на черное море

Лев Аронов не любил Сочи в ноябре.

Летом город врал шумно и почти весело: музыкой с ве-

ранд, запахом рыбы на углях, женщинами в белых платьях, чужими деньгами, детьми, уверенными, что море придумали специально для них. Летняя ложь была понятной. Все приезжали ненадолго, покупали себе десять дней другой жизни и делали вид, что так и надо.

Ноябрь врал тише.

Пальмы мокли вдоль дороги, черные, как люди на похоронах. Пустые кафе держали включенный свет — будто ждали гостей, которые передумали жить. На набережной ветер гонял целлофановый пакет. Пакет долго бился о ножку скамейки, зацепился за ржавый болт и повис. За стеклами дорогих отелей сидели редкие постояльцы. Не туристы. Скорее те, кого в других местах сегодня видеть не хотели.

Аронов ехал один.

Водителя он отпустил у нижних ворот санатория. Сказал, что пройдет. Сказал легко, даже с раздражением — так, чтобы водитель не вздумал спорить и потом, если спросят, повторил именно это: Лев Давидович был спокоен, хотел пройтись, ничего необычного.

Охрана видела его по камерам, но не останавливала. Здесь его знали все: строители, садовники, администраторы, сменные охранники, старый электрик с вечным запахом дешевого табака. Электрик называл его Львом Давидовичем так, как раньше называли заведующих, от которых зависела путевка в хороший корпус.

Санаторий «Лазурный склон» официально стоял на ре-

конструкции.

В старых бумагах он проходил как лечебное учреждение для работников отрасли, которой уже толком не существовало. В новых — как инвестиционный объект с перспективой создания многофункционального оздоровительного комплекса. В реальности это было ничье тело, которое несколько лет делили люди, никогда здесь не лечившиеся.

Аронов остановился перед центральным корпусом и поднял голову.

На верхнем этаже горело одно окно.

Его окно.

Точнее, кабинет, который ему выделили на последние два месяца, пока юристы переписывали то, что без них давно решили. Из кабинета было видно море, кусок старого парка и бетонную лестницу к закрытому пляжу. На стене висела карта будущей застройки — аккуратная, теплая, почти красивая. На ней не осталось ни старых корпусов, ни кипарисов, ни лечебного пляжа с деревянными грибками. Там были стекло, террасы, апартаменты, паркинги и слова, придуманные людьми, которые умели продавать воздух дороже земли.

Аронов поправил шарф.

Под воротником рубашки выступил пот, хотя вечер был холодный. Не страх, сказал он себе. Влажность. Здесь всё липло к коже: воздух, соль, обязательства.

В кармане пальто лежала флешка.

Почти пустая.

На ней, конечно, были документы. Договоры, сканы доверенностей, переписка с юристами, счета, таблица с фамилиями. Достаточно, чтобы человек, получивший ее, решил: вот она, настоящая вещь. Достаточно для первого испуга. Для торга. Для красивой паузы в разговоре.

Но недостаточно, чтобы выжить.

Настоящий архив был разделен. Так его научили люди, которые прожили дольше, чем должны были. Одну часть Аронов спрятал там, где искать будут в последнюю очередь. Вторую — там, где искать начнут сразу, но неправильно. Третью он вообще не считал архивом. Она жила в чужой памяти, в привычках, в страхе, в одном старом деле, которое многие предпочитали не произносить даже шепотом.

Он усмехнулся.

Всю жизнь он считал себя осторожным. Не умным — умных он видел много, и почти все они плохо заканчивали. Осторожным. Осторожность надежнее ума: ум быстро убеждает человека в собственной исключительности, а осторожность каждый день напоминает, что тебя могут убрать даже по ошибке.

Но в последние недели осторожность стала похожа на клетку.

Аронов вошел в холл.

Внутри пахло выключенным отоплением, влажной штукатуркой и дорогим деревом. После начала реконструкции люстры сняли, мраморные стойки закрыли пленкой, кресла

из зоны ожидания вывезли. Остались только огромные зеркала. В них он увидел себя целиком: шестьдесят два года, тяжелый, еще не старый, в темном пальто, с лицом человека, который слишком долго делал вид, что контролирует больше, чем ему разрешили.

На ресепшене никого не было.

Охранник должен был сидеть в комнате видеонаблюдения. Второй — у нижнего въезда. Третий, если смену не сократили, ходил по периметру и курил за хозяйственным блоком, потому что камеры там давно не работали.

Аронов знал слабые места своих объектов не хуже начальника охраны.

Иногда это спасало деньги. Иногда — жизнь.

Лифт не работал. Он пошел по лестнице.

На втором этаже кольнуло под левым ребром. Он остановился, вытер губы платком и посмотрел вниз. Пустой лестничный пролет уходил в темноту. От моря тянулся ровный гул. Даже не шум — гул, тяжелый и низкий, будто за стенами корпуса дышало большое животное.

Телефон в кармане вибрировал третий раз за вечер.

Аронов не стал смотреть.

Жена. Или адвокат. Или мальчик из службы безопасности, который утром уверял, что всё чисто. Все они говорили одно и то же разными словами: не ходи, не торопись, отложи, подумай, улети.

Они не понимали главного.

Улететь можно только тогда, когда тебе разрешили взлететь.

На третьем этаже было темнее. Лампочки горели через одну, и свет лежал на коридоре пятнами. Дверь его кабинета в конце коридора была приоткрыта.

Аронов замедлил шаг.

Так не договаривались.

Дверь должна была быть закрыта. Он должен был войти первым, включить запись, положить флешку на стол, сесть к окну, дожидаться гостя и начать говорить фразами, которые заранее прогнал в голове. Он даже паузы подготовил. Люди боялись пауз. В паузах они сами додумывали угрозы, и это сэкономило силы.

Но дверь была приоткрыта.

Из щели падал свет.

Аронов достал телефон, посмотрел на черный экран и вдруг разозлился. Не испугался — именно разозлился. Надоело быть осторожным. Надоело проверять ручки дверей, менять маршруты, читать лица охранников, помнить, кто кому позвонил после какого совещания. Надоело смотреть на море и думать не о море, а о береговой линии, кадастровых номерах и людях, которые не произносили слово «собственность» без слова «контроль».

Он толкнул дверь.

В кабинете сидел человек.

Не у окна, как Аронов ожидал. Не в его кресле. На стуле

у стены — там обычно ждали помощники, юристы и те, кому надо было сразу показать их место. Темный костюм без галстука. Руки на коленях. Прямая спина. Спокойное, почти скучающее лицо.

Аронов остановился на пороге.

— Вы? — сказал он.

Человек поднял глаза.

Голос у него был тот самый. Ровный, сухой, преподавательский. Таким голосом объясняют правила тем, кто уже проиграл, но еще спорит с арифметикой.

— Закройте дверь, Лев Давидович.

Аронов не двинулся.

— Мы договаривались не с вами.

— Вы много с кем договаривались, — сказал человек. —

В этом и проблема.

За окном море ударило в берег. Стекло едва заметно дрогнуло.

Аронов вошел и прикрыл дверь, но ключ не повернул. Человек заметил. Конечно, заметил.

— Вы стали неаккуратны.

— Я стал старше, — ответил Аронов. — Это разные вещи.

— Нет. Старость делает осторожнее. Неаккуратность делает мертвым.

Аронов снял пальто, повесил на спинку кресла и подошел к столу. На столе стоял бокал. Пустой. Рядом лежала ручка. Его ручка. Тяжелая, с золотым пером, подаренная после пер-

вого большого контракта. Он не любил ею писать — слишком торжественная, почти смешная. Но держал на столе. Люди замечали ее и почему-то начинали говорить серьезнее.

— Вы пришли меня пугать?

— Нет.

— Убеждать?

— Поздно.

— Тогда зачем?

Человек посмотрел на часы на руке Аронова.

— За тем, что вы взяли не свое.

Аронов заставил себя улыбнуться.

— В этой стране никто ничего своего не берет. Все берут вовремя.

— Красивая фраза. Для суда готовили?

— Для мемуаров.

— Мемуары пишут те, кому разрешили помнить.

В кабинете стало тихо.

Аронов вдруг перестал слышать море. Не на самом деле, конечно. Ветер продолжал шевелить пальмы, где-то внизу охранник мог пить чай из пластикового стаканчика, волна снова и снова била бетон. Но всё это ушло за край, как декорация, которую рабочие сцены выкатывают в темноту.

Остались стол, бокал, ручка, человек у стены и флешка в кармане.

— Я могу отдать вам копию, — сказал Аронов.

— Можете.

— И получить гарантии.

— Нет.

— Тогда зачем мне отдавать?

Человек впервые улыбнулся. Почти без движения губ. Без радости.

— Потому что вы всё еще думаете, что торгуетесь. Привычка. Успешные люди редко замечают момент, когда цена уже назначена без них.

Аронов сел.

Что-то холодное расплзлось от груди к животу. Страх был бы лучше. Страх острый, он заставляет действовать. Это было другое: тело начало понимать раньше разума.

— Если со мной что-то случится, документы уйдут.

— Нет.

— Вы не знаете всей схемы.

— Знаю.

— Не знаете.

Человек наклонился вперед.

— Старый сейф в южном крыле. Банковская ячейка на мертвую фамилию. Девочка из приемной, которой вы заплатили за молчание и собирались вывезти через Ереван. Ваш московский юрист. Ваш водитель, который думает, что любит вашу жену. Флешка в правом кармане пальто. Пустая, но старательная.

Аронов не сразу понял, что перестал дышать.

Человек продолжил:

— Хотите, расскажу про часы?

Левая рука Аронова дернулась к запястью.

Движение было маленьким. Почти незаметным. Но в этом кабинете уже не осталось незаметных движений. Здесь всё превращалось в улику.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Понимаете. Иначе бы не сняли их перед тем, как войти в воду.

— В какую воду?

— В ту, которой не будет.

Аронов посмотрел на дверь.

Три шага. Еще два — до коридора. Потом лестница. На лестнице можно кричать. Если охрана на месте, услышат. Если не на месте — значит, всё уже закончилось.

Человек у стены даже не повернул головы.

— Не надо.

— Что не надо?

— Делать вид, что у вас есть тело для побега. У вас есть только привычка командовать людьми, которые получают от вас зарплату. Сегодня здесь таких нет.

Аронов встал.

И только тогда увидел лист на столе.

Обычный белый лист. Несколько строк. Почерк — его.

Он узнал наклон букв, разрыв в соединении между «т» и «в», длинную нижнюю петлю у «ф». Это действительно писал он. Только не сейчас.

Память дернулась и выдала нужное.

Три недели назад. Просьба адвоката: «Нужно личное заявление на случай экстренной передачи полномочий». Аронов тогда еще пошутил, что такие бумаги пахнут плохим кино. Адвокат улыбнулся, но глаза у него были мокрые от страха.

Теперь из старых строк сделали предсмертную записку.

— Это глупо, — сказал Аронов.

Голос вышел хриплым, чужим.

— Я бы так не написал.

— Экспертиза подтвердит.

— Экспертиза подтвердит почерк. Не смысл.

— Смысл никого не интересует, когда есть подпись.

Аронов медленно перевел взгляд на бокал.

— Что там?

— Ничего, что вам поможет.

— Я не самоубийца.

— Конечно. Самоубийцы редко бывают такими самолюбленными.

Человек поднялся.

Он оказался ниже, чем казался сидя. Сухой, аккуратный, без лишнего веса. Такие не производят впечатления в толпе. Им толпа и не нужна. Их работа начинается там, где толпа узнает только результат.

— У меня есть деньги, — сказал Аронов.

— У многих есть деньги.

— У меня есть люди.

— Сегодня нет.

— У меня есть документы.

— Уже нет.

— У меня есть имя.

Человек подошел ближе.

— Было.

Аронов хотел ударить его.

Это ничего бы не изменило. Но тело вдруг потребовало простого действия: ударить, закричать, опрокинуть стол, разбить окно, сделать хоть что-нибудь, что не было бы частью чужого сценария.

И тут он увидел у двери второго.

Тот стоял в тени так давно, что Аронов не понял, как мог не заметить его раньше. Молодой. Без лица — такие лица забываются уже через минуту. В руке не пистолет. Что-то меньше, спокойнее, профессиональнее.

Аронов сел обратно.

— Кто получит объект? — спросил он.

Первый посмотрел почти с уважением.

— Все-таки бизнесмен до конца.

— Кто?

— Те, кто должен.

— Бельский?

— Бельский думает, что торгуется. Как вы.

— Грачёв?

— Грачёв думает, что выживает.

— Москва?

Человек не ответил.

Аронов закрыл глаза.

В темноте он увидел жену. Не сегодняшнюю — бледную, злую, с сигаретой у окна, — а молодую, в синем платье, на палубе катера. Тогда они еще верили, что деньги делают людей свободнее. Потом дочь, которой он не позвонил на день рождения. Потом отца, умершего в районной больнице, где не было нужного лекарства, потому что в тот год у них еще не было денег.

Странная вещь память. Перед смертью она показывает не главное. Она показывает то, что уже нельзя исправить и невозможно использовать.

— Моя семья? — спросил он.

— Если будет вести себя разумно.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у вас остался.

Аронов открыл глаза.

— Вы ведь не найдете всё.

— Возможно.

— Кто-нибудь найдет раньше вас.

— Возможно.

— Тогда вы тоже не контролируете ситуацию.

Человек взял со стола ручку и положил рядом с листом.

— Никто не контролирует ситуацию полностью, Лев Да-

видович. Разница только в том, кто первым готов это признать и убрать лишнего свидетеля.

Он кивнул молодому у двери.

Аронов успел подумать, что море снова слышно.

Потом в кабинете запахло горьким миндалем и спиртом.

Когда всё закончилось, человек с преподавательским голосом аккуратно поправил кресло, поставил бокал ближе к правой руке Аронова и посмотрел на часы, снятые с мертвого запястья.

— Их не должно быть в описи, — сказал он.

Молодой кивнул.

— А кольцо?

Первый посмотрел на руку мертвого.

Обручальное кольцо тускло блеснуло под лампой.

— Пусть остается.

— Почему?

Человек надел перчатки и взял лист с запиской.

— Потому что люди верят в семейную драму охотнее, чем в государственную необходимость.

Он подошел к двери, но остановился у порога.

— И закройте кабинет на два замка. Самоубийцы любят театральность.

Молодой посмотрел с сомнением.

— Не слишком аккуратно?

— Для полиции — нет. Для умного человека — да.

— А если такой найдется?

Человек выключил настольную лампу.

Кабинет провалился в полумрак. За окном сразу стало видно черное море.

— Тогда посмотрим, сколько он стоит.

Глава 1

Слишком чистое самоубийство

Артём Волков приехал в санаторий в восемь сорок две.

Он потом ещё два раза поймал себя на этой цифре: сорок две. Не сорок. Не без четверти девять. Именно восемь сорок две — как будто время имело здесь какое-то значение. Хотя обычно имело не оно.

Память держала мелочь лучше, чем главное. Главное люди пересказывали, правили, подгоняли под страх или под выгоду. А мелочь оставалась как есть: мокрый асфальт у нижнего шлагбаума; зелёная куртка охранника, темнее на плечах от дождя; собака без ошейника возле мусорных баков; запах дешёвого кофе из пластиковой крышки.

У въезда стояли две полицейские машины, служебная «Шкода» управления и чёрный внедорожник без номеров. Тот самый тип машины, который не пытается выглядеть незаметно. Наоборот — просит, чтобы его заметили и сделали выводы.

Небо висело низко. Серое, рваное над морем. Влажный холод лез под воротник, как плохо отжатая тряпка.

Сочи после сезона всегда казался Волкову городом, который снял улыбку и теперь не знает, куда её положить.

Охранник у шлагбаума вытянулся, едва увидел удостоверение. Резко, почти виновато. Значит, его предупредили, кто приедет. Или он просто боялся всех, кто показывал корочку. Это тоже считалось информацией.

— Кто обнаружил тело? — спросил Волков.

Охранник моргнул. Слишком часто, как человек, которому заранее велели отвечать спокойно.

— Старший смены. То есть я... Мы вместе. В смысле, он поднялся, а я был на воротах.

— Как зовут старшего?

— Карпов. Сергей Анатольевич.

— Где он?

— Наверху. С полицией.

Волков опустил взгляд на его руки. Кожа вокруг ногтей обкусана. На правом указательном пальце — свежий порез, тонкий, ещё розовый по краям. Униформа сидела мешком, будто её выдали человеку на размер шире и на жизнь старше. На груди болтался бейдж с логотипом ЧОПа. Буквы стёрлись, но слово «щит» ещё можно было разобрать.

В этой стране слишком многие прятались за щитами. И почти никто не умел ими пользоваться.

— Камеры работают?

— Да. То есть частично. Там реконструкция, некоторые линии...

— Записи сохранились?

Охранник сглотнул.

— Наверное.

Волков не стал уточнять. «Наверное» на службе иногда честнее любого рапорта. Оно значило: человек не знает, но уже понимает, что незнание потом предъявят ему же.

Он прошёл через шлагбаум.

Дорога к центральному корпусу поднималась плавно. Влажные газоны, подстриженные кусты, пальмы с тёмными мокрыми стволами. У хозяйственного блока кучковались рабочие. Курили, хотя рабочий день, если судить по пустым тачкам и закрытому складу, ещё не начался. Смотрели не на полицию. На окна третьего этажа.

Люди всегда смотрят туда, где была смерть. Даже когда уверяют, что не хотят.

У входа Волкова встретил капитан полиции — небритый, с покрасневшими глазами и лицом человека, которого выдернули из постели, сунули в форму и назначили отвечать за чужую проблему.

— Волков? — спросил он.

— Да.

— Капитан Мельников. Мы вам звонили.

— Мне звонил Грачёв.

Мельников услышал поправку и чуть подобрался.

— Роман Ильич тоже в курсе. Он сказал вас дожидаться.

— Версия?

— Предварительно самоубийство. Лев Давидович Аронов, шестьдесят два года. Предприниматель. Огнестрельное.

Записка есть. Кабинет был закрыт изнутри.

Волков посмотрел на капитана.

— Изнутри?

— Ну... ключ был в замке. С внутренней стороны.

— Кто выбил дверь?

— Охрана.

— При вас?

— Нет. Они нас уже после вызвали.

Волков ничего не сказал.

Мельников выдержал паузу секунды три, потом не выдержал.

— Я понимаю, как звучит. Но там всё довольно очевидно. Человек под давлением. Долги, проверки, семейные проблемы. Сейчас у таких быстро нервы сдают.

— У каких таких?

Капитан запнулся.

— У крупных.

Волков кивнул.

Крупные. Мелкие. Свои. Чужие. Удобные слова для тех, кто не хочет называть человека по имени.

В холле было прохладно. Пол блестел — то ли от недавней уборки, то ли от влаги, которую натаскали с улицы. На стенах торчали пустые крепления от старых светильников. Огромные зеркала множили всех сразу: полицейских, охранников, криминалиста с чемоданом и самого Волкова — тёмное пальто, серый шарф, спокойное лицо.

Это спокойствие часто раздражало людей больше, чем грубость.

Он не любил производить впечатление. Впечатление — долг. Покажешься сильным — от тебя ждут силы. Покажешься опасным — ждут угрозы. Покажешься простым — начинают говорить лишнее. Третий вариант Волков считал самым полезным.

На лестнице Мельников продолжал докладывать, уже тише:

— Тело обнаружили в шесть двадцать пять. Старший смены поднялся, потому что жена Аронова не могла дозвониться и позвонила на пост. Кабинет закрыт. Свет горел. Они стучали. Потом пытались запасным ключом — не получилось, ключ вставлен с той стороны. Тогда выбили.

— Чем?

— Монтировкой.

— Где монтировка?

— У них. Внизу. Наверное.

Волков остановился на площадке второго этажа.

Мельников сделал ещё один шаг и тоже остановился.

— Капитан.

— Да?

— Слово «наверное» сегодня дорогое. Не тратьте его без нужды.

Мельников покраснел пятнами.

— Понял.

На третьем этаже пахло табаком, пылью и чем-то сладковатым. Волков отметил запах сразу, но мысленно отложил. Некоторые вещи лучше не называть, пока они не успели со- врать.

У кабинета стояли двое: криминалист в бахилах и начальник охраны. Сухой мужчина лет пятидесяти, прямая спина, короткая стрижка, глаза быстрые. Такие глаза не смотрят — проверяют.

Старший смены Карпов, решил Волков.

Карпов шагнул навстречу.

— Сергей Анатольевич Карпов. Старший объекта.

— Кто входил после того, как выбили дверь?

Карпов коротко посмотрел на Мельникова.

— Я. Потом врач. Потом полиция.

— Тело трогали?

— Проверил пульс.

— Где?

— На шее.

— Правой рукой?

Карпов замолчал на долю секунды.

— Не помню.

— А дверь чем выбивали — помните?

— Да.

— Странно.

Мельников кашлянул, но не вмешался.

Карпов глаз не отвёл. Подготовлен. Или действительно

служил. У таких людей память часто включалась по команде. И выключалась тоже по команде.

— Я был в стрессовой ситуации, — сказал он.

— Конечно.

Волков посмотрел на дверь.

Замок был вывернут грубо. Дерево вокруг язычка расколото. Второй замок, выше, тоже разбит. Ударов было не меньше трёх. На полу лежали щепки; часть уже разнесли ботинками. Нормального ограждения никто не поставил. В делах с «очевидной» версией люди быстро начинают экономить аккуратность.

— Кто сказал, что кабинет был закрыт на два замка? — спросил Волков.

Мельников заглянул в блокнот.

— Охрана.

— Вы сами видели?

— Дверь уже была выбита.

— Значит, не видели.

Капитан снова покраснел.

Волков вошёл в кабинет.

Первым делом он не посмотрел на тело.

На место смерти нельзя набрасываться глазами. Прямой взгляд слишком жадный: хватает мёртвого, кровь, оружие — и пропускает комнату. А комната обычно честнее тела. Тело уже стало частью чужого рассказа.

Кабинет был просторный, с большим окном на море. До-

рогой стол стоял так, чтобы сидящий видел входящего и мог одним движением повернуться к окну. На стене — карта реконструкции санатория. В углу — закрытый старый сейф, совсем не из этого ремонта. У шкафа на полу валялась картонная папка со сметами. Два кресла для посетителей, стул у стены, барный шкаф. Пепельница, хотя в помещении курить запрещено.

Аронов сидел в кресле за столом, завалившись вправо.

Пистолет лежал на полу у правой руки. Кровь темнела на рубашке и на краю стола. Лицо мёртвого было не испуганным и не спокойным. Просто пустым. Смерть редко оставляет смысл на лице. Смысл потом дорисовывают живые.

На столе лежал лист с текстом. Рядом ручка. Бокал. Наполовину пустая бутылка дорогого коньяка — слишком заметная, чтобы быть случайной. Телефон лежал экраном вниз.

Волков медленно обошёл стол.

— Оружие зарегистрировано? — спросил он.

— Да, — ответил Мельников. — На Аронова.

— Отпечатки?

— Пока не готово. Но визуально...

Волков повернул голову.

Мельников закрыл рот.

Криминалист, пожилой мужчина с усталым лицом, поднялся от стола.

— Почерк, предварительно, похож. Сравним с документами. Следов борьбы явных нет. Окно закрыто. Дверь закры-

та. Камеры на коридоре в это время не работали.

— Почему?

— Реконструкция.

Слово было удобное. В Сочи им объясняли всё: исчезнувшие деревья, закрытые пляжи, лишние этажи, шум по ночам, отсутствие документов, чужие деньги и камеры, которые не работали ровно тогда, когда должны были.

Волков подошёл к окну.

Море было чёрным, хотя утро уже началось. У берега пенилась грязная вода. Ветер гнал низкие волны к бетонной лестнице. На дальнем пирсе стоял человек в оранжевой куртке и смотрел в телефон.

— Кто-нибудь из персонала слышал выстрел?

— Нет, — сказал Мельников. — Ночью ветер, море. Корпус почти пустой.

— Почти?

— Охрана, электрик, двое рабочих в бытовке.

— Их опросили?

— Начали.

Волков повернулся к столу.

Теперь он посмотрел на тело.

Аронов был крупным мужчиной. Такие даже мёртвыми занимают много места. Дорогая рубашка, запонки, ремень, ботинки. На левой руке обручальное кольцо. На правом запястье — светлая полоска кожи.

Волков наклонился.

Полоска была свежей. Там, где обычно ремешок закрывает кожу, запястье осталось чуть светлее. Царапин от сорванной застёжки не было. Значит, часы сняли аккуратно. Сам. Или кто-то, кто не спешил.

— Где часы? — спросил Волков.

Криминалист посмотрел в опись.

— Какие часы?

— Наручные.

— В описи нет.

— На фотографиях?

Криминалист взял фотоаппарат, пролистал снимки. Потом пролистал ещё раз, уже медленнее.

— Нет.

— Семья говорила, что он носил часы?

Мельников пожал плечами.

— Не уточняли.

— Уточните.

Карпов, стоявший у двери, сказал:

— Лев Давидович всегда был в часах.

Комната на секунду стала тише.

Карпов понял, что сказал лишнее. Но лишнее, сказанное вовремя, обратно не заберёшь.

— Дорогие? — спросил Волков.

— Не разбираюсь.

— Но запомнили, что всегда носил.

— У него привычка была смотреть на них, когда разгова-

ривал.

Волков кивнул.

— Когда вы нашли тело, часы уже отсутствовали?

Карпов сжал губы.

— Не помню.

— Сергей Анатольевич, — сказал Волков почти мягко. — Человек, который всегда носил часы, мёртв. Вы проверяете пульс. Вы видите руку. Вы либо помните, были часы, либо помните, что вам сейчас выгоднее не помнить.

Мельников опустил глаза в блокнот. Криминалист занялся чемоданом, хотя делать там было нечего. У двери кто-то переступил с ноги на ногу.

Карпов смотрел на Волкова.

— Не было, — сказал он наконец.

— Спасибо.

Волков подошёл к столу и посмотрел на бокал.

Бокал стоял справа от листа, ближе к краю. На стекле виднелся чёткий отпечаток и несколько смазанных. На дне оставалась янтарная полоска. Запах коньяка должен был перебивать ту сладковатую ноту из коридора. Должен был.

— Пил? — спросил Волков.

— Судя по бокалу, да, — сказал Мельников.

— Судя по бокалу, кто-то хотел, чтобы мы так решили.

Капитан промолчал.

Волков взял у криминалиста перчатки и осторожно поднял записку за край.

Текст был короткий:

«Я устал. Простите меня. Никого не вините. Все решения я принимал сам».

Подпись. Дата.

Слишком чисто.

Даже неприятно чисто.

Люди, которые уходят из жизни, редко думают о юридической чистоте формулировок. Они проклинают, просят, путаются, обвиняют, молчат, пишут ерунду, рвут лист, начинают заново. Но фраза «все решения я принимал сам» звучала не как последняя мысль человека. Скорее как строка, которую потом удобно зачитать вслух.

— У него были юристы? — спросил Волков.

Мельников усмехнулся.

— У него все были.

— Найдите того, кто готовил ему личные заявления за последний месяц.

— Думаете, текст собран из старого документа?

Волков посмотрел на него.

— Я думаю, что мёртвые редко стараются снять ответственность с живых.

У двери послышались шаги.

Роман Грачёв вошёл без стука — как человек, который много лет входит в кабинеты раньше приглашения. Невысокий, плотный, в тёмном пальто с поднятым воротником, он выглядел старше своих пятидесяти пяти. Не из-за морщин.

Из-за усталости в движениях. Так устают начальники, которые слишком долго объясняют наверх, что всё под контролем, а вниз — что так надо.

— Артём, — сказал он.

— Роман Ильич.

Грачёв кивнул Мельникову, Карпову, криминалисту. Быстро взял комнату глазами: тело, стол, окно, записка. На отсутствующих часах взгляд, конечно, не задержался. Задержаться было не на чем.

Но Волков заметил другое: Грачёв первым делом посмотрел на левую руку Аронова.

На кольцо.

Не на рану. Не на пистолет. Не на записку.

На кольцо.

— Что у нас? — спросил Грачёв.

Мельников начал:

— Предварительно самоубийство, но...

— Я спрашиваю Волкова.

Капитан замолчал.

Волков положил записку обратно.

— Слишком аккуратно.

Грачёв тяжело вздохнул.

— Умные люди иногда уходят аккуратно.

— Умные люди особенно не уходят аккуратно, если хотят, чтобы им поверили.

— Не начинай.

— Я ещё не начал.

Грачёв подошёл ближе и понизил голос:

— Лев Аронов — не районный коммерсант с автомойкой.

Здесь будут звонки. Уже есть звонки. Нам не нужно превращать понятную личную трагедию в политический пожар.

— Она понятная?

— Будет понятная, если каждый сделает свою работу.

— Моя работа — не делать версию удобной.

— Твоя работа — понимать последствия.

Волков смотрел на начальника.

Грачёв не был дураком. Это делало разговор хуже. Дурак давит, потому что не видит деталей. Умный давит, потому что видит их слишком много и заранее решает, какие можно похоронить.

— Часы исчезли, — сказал Волков.

Грачёв не моргнул.

— Какие часы?

— Аронов всегда носил часы. На руке след. В описи их нет. Охрана говорит, что при обнаружении часов уже не было.

— Может, снял.

— Перед самоубийством?

— Люди перед смертью делают странные вещи.

— Да. Например, снимают часы, но оставляют обручальное кольцо.

Грачёв посмотрел на руку мёртвого. Теперь открыто.

Волков продолжил:

— Если человек хочет уйти и снимает с себя символ времени, контроля, статуса, привычки — почему оставляет кольцо? Если семейная драма, кольцо важно. Если деловая — часы важнее. Если постановка — остаётся то, что постановщик счёл убедительным.

Мельников слушал и старался не выглядеть слишком заинтересованным. Криминалист перестал возиться с чемоданом. Карпов смотрел в пол.

Грачёв сказал:

— Артём, выйдем.

— Осмотр не закончен.

— Я сказал, выйдем.

Они вышли в коридор.

За дверью было холоднее. Из разбитого замка торчала длинная щепка, светлая, с тёмным пятном на конце. Возможно, грязь. Возможно, кровь с руки того, кто выбивал дверь. Возможно, ничего. Волков всё равно запомнил.

Грачёв отошёл к окну в конце коридора. Оттуда были видны двор, машины, мокрые пальмы, рабочие у бытовки. Говорил он тихо.

— Ты хочешь показать, что самый умный?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Здесь не сходится.

— В таких делах всегда что-нибудь не сходится. По-

том экспертиза уточняет, свидетели вспоминают, начальство успокаивается, семья получает возможность похоронить человека без цирка. Это называется процесс.

— Это называется похороны дела.

Грачёв повернулся.

— Ты служишь не в литературном кружке. Есть смерть. Есть версия. Есть контекст. Контекст иногда важнее твоей любви к деталям.

— Кто звонил?

— Что?

— Вы сказали, уже есть звонки. Кто?

— Не твой уровень.

— Пока нет.

Грачёв посмотрел на него долго.

Впервые за утро в его лице мелькнуло не раздражение. Тревога. Короткая, почти сразу спрятанная. Но Волков умел замечать короткое. Оно чаще всего было настоящим.

— Вот именно, — сказал Грачёв. — Пока. И если хочешь, чтобы однажды стал твой уровень, научись не кусать руку, которая может открыть дверь.

— А если за дверью тот, кто убил Аронова?

— Тогда особенно не кусай.

Они помолчали.

Снизу подъехала машина. Хлопнула дверь. Где-то снаружи каркнула ворона — слишком громко для такого утра. В пустом корпусе любой звук получал лишнюю власть.

Телефон Грачёва завибрировал. Он посмотрел на экран и не ответил.

Волков успел увидеть только первые цифры номера. Москва.

— Ты подготовишь краткую записку, — сказал Грачёв. — Без фантазий. Факты, первичная версия, необходимые экспертизы. Отдельно отметишь: признаков постороннего проникновения не установлено.

— Это неправда.

— Это пока не установлено.

— Дверь могли закрыть после смерти.

— Могли. А могли не закрывать. А могли прилететь марсиане и аккуратно снять часы. Мы не пишем то, что могли. Мы пишем то, что можем доказать.

— Тогда надо написать, что мы пока ничего не можем доказать.

Грачёв устало потёр переносицу.

— Артём. Я ценю твою голову. Правда. Но голова полезна, пока она на плечах. Не заставляй людей решать, что плечи лишние.

Это не прозвучало как угроза.

Угроза требует усилия. Грачёв говорил почти заботливо. От этого фраза стала тяжелее.

Волков кивнул.

— Я понял.

— Хорошо.

— Мне нужен полный доступ к камерам, телефонам охраны, списку посетителей за неделю, финансовым документам Аронова по санаторию и личным контактам семьи.

Грачёв закрыл глаза.

— Ты издеваешься?

— Вы сказали — факты.

— Я сказал — краткая записка.

— Краткая записка без фактов будет похожа на предсмертную записку Аронова. Почерк есть, смысла нет.

Грачёв открыл глаза.

Некоторое время они просто смотрели друг на друга. Волков понимал: начальник выбирает между двумя решениями. Прижать сразу — или дать пройти немного вперёд, чтобы потом точнее остановить.

Умные начальники часто выбирали второе. Им казалось, что это контроль.

— До вечера, — сказал Грачёв. — Только осмотр и первичные опросы. Никакой самостоятельности. Марину Крылову к делу не подпускать.

Волков впервые за разговор позволил себе показать интерес.

— А она уже здесь?

Грачёв понял, что сказал лишнее.

— Будет. Такие всегда появляются, когда пахнет кровью.

— Журналисты?

— Стервятники.

— Стервятники не убивают. Они прилетают после.

— Иногда они приводят охотников.

Грачёв пошёл к лестнице, но остановился.

— И ещё. Если найдёшь часы — сначала мне.

— Почему?

— Потому что я твой начальник.

— Это ответ для протокола?

Грачёв не обернулся.

— Это единственный ответ, который тебе пока нужен.

Он ушёл вниз.

Волков остался у окна.

Во дворе рабочие больше не курили. Разошлись, будто кто-то дал команду. Чёрный внедорожник без номеров стоял на прежнем месте. На мокром капоте прилип жёлтый лист.

Волков вернулся в кабинет.

Мельников писал. Криминалист упаковывал образцы. Карпов говорил по телефону у двери и сразу замолчал, когда Волков вошёл.

— Продолжаем, — сказал Волков.

Капитан поднял глаза.

— С чего?

Волков посмотрел на мёртвого Аронова, на бокал, записку, светлую полоску кожи на запястье.

— С того, что самоубийца снял время, но оставил семью.

— Что?

— Часы ищите.

Он подошёл к столу и ещё раз посмотрел на предсмертную записку.

«Все решения я принимал сам».

Нет, подумал Волков.

Так не прощаются.

Так закрывают сделку.

За окном море било в бетон, тёмное и упрямое. Внизу кто-то включил радио в машине, и из хриплого динамика прорезался кусок новостей: авария в проливе, нефтепродукты, волонтёры, угроза побережью, экстренное совещание.

Город начинал день с чужой грязи.

Волков вдруг понял, что дело ему нравится.

Не смерть. Не кровь. Не чужой страх. Ему понравилась форма — слишком аккуратная ложь, оставленная почти на виду. Ложь, рассчитанная на людей, которые будут торопиться, беречь должности, бояться звонков и писать слово «самоубийство» там, где нужно было написать хотя бы «проверить».

Он достал из кармана блокнот.

На первой строке написал:

«Аронов. Не смерть. Передача».

Потом подумал и добавил ниже:

«Кому?»

Он ещё не знал, что через несколько дней его собственная фамилия появится в материалах внутренней проверки.

Не знал, что часы станут ключом не только к архиву Аро-

нова, но и к старому делу его отца.

Не знал, что первая настоящая кровь на его погонах будет не той, которую оставили убийцы.

Зато уже знал главное.

Кто-то очень сильный хотел, чтобы всё выглядело понятным.

А понятные смерти почти всегда обходятся дороже остальных.

И синяя дверь с номером 12.

Глава 2

Город после сезона

Ноябрьский Сочи казался Марине Крыловой человеком, которого застали без грима. Не страшным — просто слишком честным.

Летом город держался уверенно. Шумел, улыбался, торговал жарой, морем, вином, фотографиями на фоне пальм и этой короткой иллюзией: жизнь можно отложить хотя бы на десять дней.

Даже грязь летом выглядела частью праздника — песок в такси, мокрые следы в гостиничных холлах, пластиковые стаканы у урн, липкие столы в кафе. Плата за радость, ничего больше.

После сезона радость уезжала. Плата оставалась.

Утром набережная почти вымерла. Ветер шел с моря порывами: лез под капюшон, трепал волосы, бросал в лицо мелкие холодные капли. Не дождь — морская пыль, соленая и

неприятно живая.

У закрытых киосков висели потемневшие объявления: «До встречи летом», «Ремонт», «Открытие скоро». На баннере с улыбающейся семьей кто-то черным маркером вывел: «А море вам кто вернет?»

Марина остановилась перед надписью и подняла телефон.

— Сними это крупно, — сказала она.

Оператор, худой парень по имени Славик, недовольно втянул нос.

— Марин, у меня руки уже не чувствуют камеру.

— Камера дороже твоих рук.

— Спасибо.

— Не благодари. Просто снимай.

Славик включил запись.

Марина поправила микрофон на воротнике, посмотрела в объектив и на секунду замолчала. Эту секунду она брала почти всегда — не для красивой паузы, а чтобы стереть с лица лишнее. В кадре нельзя быть злой: перестанут слушать.

Нельзя быть слишком умной: начнут раздражаться. Нельзя быть испуганной: пожалеют. А жалость к журналисту хуже ненависти.

Ненависть хотя бы доказывает, что ты попала туда, где болит.

— Сочи входит в зиму пустыми пляжами, закрытыми заборами и вопросами, на которые чиновники пока отвечают одной фразой: «ситуация под контролем», — сказала она.

— После сообщений о загрязнении побережья нефтепродуктами местные жители и волонтеры продолжают находить на берегу темные сгустки. Владельцы гостиниц считают будущие убытки. А пока все смотрят на экологическую повестку, вдоль моря идет другая история — тише, старше и гораздо дороже. Передел земли, старых санаториев и доступа к берегу.

Славик поднял большой палец.

Марина прошла вдоль ограждения. За ржавой сеткой начинался закрытый участок пляжа. На песке темнели пятна — не сплошь, кусками, будто море выплюнуло грязь и тут же пожалело. Двое мужчин в оранжевых жилетах сгребали песок в мешки. Женщина поодаль снимала их на телефон и все время оглядывалась.

— Нам официально сообщили, — продолжила Марина, — что угрозы для туристического сезона нет. Формулировка удобная, особенно если помнить: туристического сезона сейчас тоже нет. Зато есть строительные компании, которые давно ждут момента, когда часть побережья можно будет назвать непригодной, аварийной и требующей срочной реконструкции. В такие минуты экологическая проблема очень быстро становится земельной.

— Марин, — тихо сказал Славик.

Она не остановилась.

— Мы не утверждаем, что эти процессы связаны напрямую. Мы задаем вопрос: кто получает выгоду каждый раз,

когда берег становится закрытым для обычных людей и открытым для инвесторов?

— Марин.

Теперь она услышала в его голосе не усталость, а предупреждение.

Марина закончила фразу, выдержала паузу для монтажа и только потом повернулась.

У ограждения стоял мужчина в темной куртке без опознавательных знаков. Рядом — второй, крупнее, с лицом бывшего спортсмена: соревнования закончились давно, а привычка бить осталась. Они не подходили. Не спорили. Просто смотрели.

Такие не мешают съемке сразу. Они ждут, пока человек сам почувствует: съемка начинает мешать ему жить.

Марина улыбнулась им так, будто они были частью пейзажа.

— Снимай общий, — сказала она Славику. — Чтобы видно было забор.

— И их?

— Особенно их.

Славик неуверенно повернул камеру.

Мужчины отвернулись почти одновременно.

— Уже лучше, — сказала Марина.

Запись они закончили через десять минут. Славик спрятал камеру в чехол и сразу закурил, прикрывая сигарету ладонью от ветра.

— Ты однажды договоришься до того, что нас закопают в каком-нибудь реконструированном пляже, — сказал он.

— Не драматизируй.

— Ты сказала в кадре «перedel земли».

— Я сказала «менее заметная история».

— А потом «перedel земли».

— Зато честно.

— Честно — это когда тебя потом ищут живой?

Марина посмотрела на море.

Волны шли низкие, тяжелые, с грязно-серой пеной. Там, где летом дети болтались на надувных кругах, вода теперь казалась чужой. Будто море тоже вошло в какую-то сделку, а потом передумало и стало возвращать полученное.

— Честно, Слав, это когда хотя бы не делаешь вид, что не понимаешь, что происходит.

— А если правда никому не нужна?

— Нужна. Просто не всем в один и тот же день.

Он покачал головой.

— Ты это красиво говоришь, когда у нас нет исков на пять миллионов.

— У нас нет пяти миллионов. Значит, и иск на пять миллионов выглядит оптимистично.

Славик усмехнулся, но глаза остались тревожными.

Марина достала телефон.

На экране висели семь непрочитанных сообщений. Три — от редактора, которому нужна была «безопасная версия ма-

териала». Одно — от матери: не простыла ли. Два — от неизвестных аккаунтов с привычными пожеланиями женского счастья, только в грубой форме.

Последнее сообщение было от источника без имени.

«Аронова убили не из-за денег. Ищи список санаториев».

Марина замерла.

Она перечитала фразу дважды.

Потом сообщение исчезло.

Даже уведомления не осталось. Пустая строка чата — будто телефон на секунду придумал ей чужую смерть и тут же испугался собственной фантазии.

— Что? — спросил Славик.

Марина быстро сделала скриншот.

Поздно.

Экран сохранил пустоту.

— Черт, — сказала она.

— Что случилось?

— Аронов мертв.

— Какой Аронов?

— Лев Аронов.

Славик присвистнул.

Славик знал это имя. В Сочи такие фамилии знали даже те, кто делал вид, что политикой не интересуется.

Аронов строил, покупал, судился, договаривался, исчезал из скандалов за неделю до обысков и появлялся на благотворительных вечерах рядом с теми, кто днем обещал бороться

с незаконной застройкой.

Формально кусками города владели компании с названиями из двух пустых слов. Все всё понимали.

— Откуда знаешь? — спросил Славик.

— Мне только что написали.

— Кто?

— Тот, кто не хочет, чтобы я знала, кто он.

— Может, фейк?

Марина уже листала новости. Официально — тишина. В городских пабликах тоже ничего. Только обычный утренний мусор: авария на объездной, отключение воды, мазут на пляже, потерянная собака, спор о ценах на такси.

Она набрала редактора.

Гудки шли долго. Редактор ответил на пятом, сонный и злой.

— Марина, если это снова про заборы, у нас уже есть три жалобы от администрации.

— Аронов умер?

Пауза.

Такая пауза бывает не перед ответом. Перед выбором позиции.

— Откуда у тебя? — спросил редактор.

— Значит, умер.

— Я не сказал.

— Ты спросил, откуда у меня.

Редактор выдохнул.

— Информация неофициальная. Очень неофициальная.

Похоже на самоубийство.

— Где?

— Марина.

— Где?

— Санаторий «Лазурный склон».

Она посмотрела на Славика.

Славик понял по ее лицу и сразу выругался.

— Мы туда не поедem, — сказал он.

— Поедем.

Редактор в трубке услышал вторую реплику.

— Даже не думай. Там сейчас полиция и, скорее всего, люди из управления. Мы не лезем в смерть Аронова, пока нет официального подтверждения.

— Он должен был встретиться со мной послезавтра.

Редактор замолчал.

Теперь пауза была другой.

— Что значит — встретиться?

— То и значит.

— Почему я не знаю?

— Потому что ты бы сказал не встречаться.

— И был бы прав.

— Возможно.

— Что он хотел?

Марина посмотрела на море, на пятна на песке, на пустой чат в телефоне.

— Не знаю. Он сказал: «Если я приду, вы поймете, почему берег — это не про берег».

Редактор тихо произнес что-то совсем непечатное.

— Марина, слушай внимательно. Аронов — не герой твоего сюжета про мазут. Вокруг него ходят люди с удостоверениями, деньгами и привычкой не проигрывать. Если он правда мертв, первые сутки все будут чистить хвосты. Не суй туда голову.

— Значит, ехать надо сейчас.

— Нет.

— Через сутки там уже будет правильная версия.

— Через сутки ты хотя бы будешь жива.

— Ты драматизируешь, как Славик.

— Славик умный. Дай ему премию, если выживете.

— У нас нет денег на премию.

— Именно поэтому не надо злить людей, у которых они есть.

Марина отключила вызов.

Славик смотрел на нее так, будто уже осуждал все свои будущие решения.

— Я не поеду, — сказал он.

— Хорошо.

— Правда?

— Да. Я поеду одна.

— Это манипуляция.

— Это выбор.

— Нет, это манипуляция, потому что теперь я поеду и буду себя ненавидеть.

— Ненависть бодрит.

Он затушил сигарету о мокрую урну.

— Сначала кофе.

— Сначала санаторий.

— Сначала кофе, иначе я буду снимать твою смерть с дрожащими руками.

Марина посмотрела на него и кивнула.

— Пять минут.

Они нашли открытый киоск возле остановки. Внутри женщина в пуховике смотрела маленький телевизор: ведущая с каменным лицом рассказывала о ликвидации последствий загрязнения.

На экране — люди в белых костюмах, мешки, черная вода, птица с испачканным крылом. Бегущая строка обещала контроль ответственных служб. Слово «контроль» в тот момент звучало особенно дешево.

Женщина налила им кофе из автомата.

— Видели? — спросила она, кивнув на телевизор. — Опять говорят, что все нормально. У меня племянник вчера с пляжа пришел — ботинки выбросили. Запах такой, что кошка в квартиру не заходила.

— Где пляж? — спросила Марина.

— Да тут, дальше, за старой лестницей. Только туда теперь не пускают. Говорят, опасно.

— Кто не пускает?

Женщина сразу пожалела, что начала разговор.

— Да кто-кто. Охрана. Рабочие. Не знаю. Я в политику не лезу.

В Сочи это тоже было честной фразой. «Я в политику не лезу» означало: политика уже залезла в мою жизнь, но я надеюсь, что она не заметит меня лично.

Марина оставила деньги и визитку.

— Если кто-то будет вывозить песок ночью, позвоните.

Женщина посмотрела на визитку, потом на Марину.

— Девушка, вы хорошая, наверное. Но хороших у нас быстрее всех учат молчать.

— Я плохо учусь.

— Это заметно.

Они вышли.

Машина Славика стояла у обочины — старая белая «Киа», пахнувшая пылью, кабелями и холодным фастфудом. На заднем сиденье валялись штатив, две куртки, коробка с микрофонами и пакет яблок, которые Славик возил «для здоровья» и ни разу не ел.

По дороге к санаторию Марина открыла ноутбук на коленях и подключилась к мобильному интернету. Связь прыгала. Росреестр не грузился. База арбитражных дел открывалась так медленно, будто тоже не хотела участвовать.

Она вбила «Лев Аронов Лазурный склон санаторий».

Сотни результатов.

Старые новости о реконструкции. Обещания «курорта мирового уровня». Фотографии совещаний, где все улыбаются не глазами. Интервью Аронова о социально ответственном бизнесе. Иски миноритариев, экологические претензии, жалобы жителей. Судебные решения выглядели законно — но эта законность сидела на деле как костюм с чужого плеча.

— У него все через прокладки, — сказала Марина.

— У кого сейчас без прокладок? — спросил Славик, не отрываясь от дороги.

— Здесь слишком много санаториев. «Лазурный склон», «Южная орбита», «Морская звезда», «Горный воздух». Одни и те же юристы, разные владельцы, похожие даты.

— Может, просто крупный бизнес.

— «Просто крупный бизнес» — это как «предварительно самоубийство». Фраза для ленивых.

Телефон снова завибрировал.

Неизвестный номер.

Марина включила запись и ответила.

— Крылова.

На линии было молчание. Не пустое — живое. Кто-то дышал, но не хотел говорить первым.

— Я слушаю.

— Не надо ехать в «Лазурный», — сказал мужской голос.

Голос был искажен, но не программой. Человек говорил через ткань или закрывал микрофон рукой.

— Почему?

— Потому что вас там ждут.

— Кто?

— Те, кто потом скажут, что предупреждали.

— Вы мне уже писали?

Пауза.

— Ищите список санаториев.

— Где?

— Не в документах.

— А где?

— У тех, кто боялся Аронова больше, чем ненавидел.

— Кто вы?

— Человек, который не хочет стать следующим.

Связь оборвалась.

Славик покосился на нее.

— Может, теперь кофе был хорошей идеей, а поворот домой — еще лучше?

Марина сохранила запись.

— Нет.

— Конечно нет.

Она прослушала звонок еще раз. Голос короткий, сдавленный. На слове «следующим» мелькнула южная мягкость — не акцент, скорее привычка проглатывать согласную. Местный. Или давно живет здесь.

«Не в документах».

Неприятно.

Документы Марина понимала. Они лгали, но лгали по

правилам: дата, подпись, повторяющийся адрес, забытый учредитель, ошибка в приложении. С людьми было хуже. Люди боялись, торговались, исчезали, отказывались от своих слов и вспоминали не то, что было, а то, за что меньше били.

У поворота к санаторию стояла патрульная машина.

Славик сбросил скорость.

— Ну все. Дальше нас не пустят.

Марина посмотрела на ворота. За ними дорога поднималась к корпусу между пальмами и мокрыми газонами. У шлагбаума — охранник. Чуть дальше — люди в форме. Возле черного внедорожника курил мужчина в штатском.

— Остановись здесь.

— Марин.

— Здесь.

Он остановил машину у обочины, метрах в пятидесяти от ворот.

— Камеру не доставай, — сказала она.

— Впервые за день разумное предложение.

— Достань маленькую.

— Я поторопился.

Она вышла из машины.

Ветер ударил сильнее, чем у моря. Здесь, на подъеме, он шел между корпусами и деревьями узким холодным потоком. Марина застегнула куртку и пошла к воротам.

Мужчина в штатском сразу посмотрел на нее.

Охранник сделал шаг вперед.

— Территория закрыта.

— Марина Крылова, «Южный обзор». Нам нужен комментарий по поводу смерти Льва Аронова.

Охранник напрягся.

Хорошо, подумала она. Значит, фамилия работает.

— Никакой смерти не было, — сказал он чересчур быстро.

— Тогда прокомментируйте, почему на территории полиция.

— Реконструкция.

— Полиция реконструирует?

Мужчина в штатском подошел ближе.

— Девушка, вам сказали: территория закрыта.

— Девушка — это гендерная характеристика. Меня зовут Марина Крылова. Вы представитель полиции, администрации или частной охраны?

— Я тот, кто советует вам уехать.

— Совет записывать можно?

Он улыбнулся.

— Можно. Только потом не говорите, что вас не предупредали.

Та же фраза.

Марина почувствовала, как внутри неприятно сжалось.

«Те, кто потом скажут, что предупредали».

Она удержала лицо спокойным.

— А кто меня предупредал?

Мужчина не ответил.

За его спиной от центрального корпуса спускались двое. Один в форме. Второй — в темном пальто. Мужчина в пальто шел неторопливо, почти лениво, но Марина сразу поняла: он видит все. Не потому, что вертит головой. Потому что остальные рядом с ним незаметно меняются.

Он был не самым старшим по возрасту, не самым громким, не самым заметным. Средний рост, спокойное лицо, серый шарф. В нем не было показной силы. И именно поэтому он выделялся.

Мужчина в штатском обернулся.

— Артём Сергеевич, тут пресса.

Марина запомнила имя.

Артём Сергеевич посмотрел на нее.

Взгляд был короткий, внимательный и неприятно пустой. Не равнодушный — пустой. Как чистый лист, на котором пока не решили, что написать.

— Крылова? — спросил он.

— Да.

— Вы рано.

— Значит, событие все-таки есть.

— События есть всегда. Вопрос в том, какие из них вы успеете понять до публикации.

Она чуть улыбнулась.

— Обычно мне хватает тех, которые другие хотят спрятать.

— Тогда вам должно быть скучно. Спрятанное редко бывает главным.

Он говорил спокойно, почти мягко. Ни угрозы, ни раздражения. И Марина вдруг поняла: этот человек не станет спорить с журналистом у ворот из самолюбия. Он вообще не тратил движения на самолюбие. От этого становилось неприятнее.

— Лев Аронов мертв? — спросила она.

— Официальная информация появится позже.

— Самоубийство?

— Вы уже написали заголовок?

— Я проверяю.

— Нет. Вы ловите реакцию.

Она замолчала на секунду.

Он заметил. Конечно, заметил.

— У вас есть комментарий? — спросила Марина.

— Есть.

Она включила диктофон.

— Слушаю.

— Не публикуйте то, что вам сегодня пришлют анонимно.

— Почему?

— Потому что хорошая ложь всегда приходит раньше плохой правды.

Мужчина в штатском нахмурился, будто Волков проговорился. Охранник уставился в сторону. Славик из машины, наверняка, снимал маленькой камерой через стекло и делал

вид, что возится с телефоном.

— А плохая правда у вас есть? — спросила Марина.

— Пока нет.

— Тогда почему вы уверены, что мне пришлют ложь?

Волков посмотрел на ее телефон.

Не на лицо. Не на глаза. На телефон.

— Потому что вам уже начали ее готовить.

Марина почувствовала желание спрятать аппарат в карман и не сделала этого только потому, что желание было слишком очевидным.

— Вы следите за моими сообщениями?

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

— Те, кто хотят использовать журналиста, почти всегда делают это в первые часы. Потом у журналиста появляется собственная картина, и управлять им сложнее.

— А силовики журналистов не используют?

— Используют.

— Вы?

— Если понадобится.

Ответ был настолько прямым, что Марина не сразу нашла, как на него реагировать.

Волков, кажется, не пытался ни понравиться, ни напугать. Он просто назвал вещь своим именем, будто это не признание, а погода.

— Спасибо за честность, — сказала она.

— Не благодарите. Честность — это тоже инструмент.

Он прошел мимо.

Марина сделала шаг за ним.

— Артём Сергеевич.

Он остановился.

— Аронов должен был встретиться со мной послезавтра.

Теперь он повернулся полностью.

— По какому вопросу?

— Вы же понимаете, что я не обязана раскрывать источник.

— Источник мертв. Вы защищаете не его, а то, что он не успел вам дать.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Вы быстро приняли смерть как факт, хотя официальной информации нет.

— А вы быстро приехали на закрытую территорию, хотя вам советовали не ехать.

— Кто советовал?

— Не я.

— Но вы знаете.

— Я предполагаю.

— И?

— И если человек предупреждает вас теми же словами, что человек у ворот, значит, один из них повторяет чужую формулировку. Проверьте, кто сказал ее первым.

Он снова пошел к машине.

Марина стояла у шлагбаума, чувствуя, как неприятное раздражение смешивается с интересом. Она не любила, когда ее учили думать. Особенно если учили правильно.

— Это был комментарий? — крикнула она ему вслед.
Волков не обернулся.

— Нет. Это была бесплатная ошибка с моей стороны.
Он сел в служебную машину.

Через минуту автомобиль выехал с территории и ушел вниз по дороге. Марина смотрела ему вслед до поворота.

Славик подошел с камерой под курткой.

— Снял? — спросила она.

— Немного. Звук плохой.

— Сойдет.

— Кто это был?

— Не знаю.

— Но он тебе не понравился.

Марина убрала телефон в карман.

— Наоборот.

— Это хуже?

— Намного.

Она вернулась к машине, открыла ноутбук и создала новый файл.

Название написала сразу:

«АРОНОВ. СПИСОК САНАТОРИЕВ».

Ниже добавила:

«Волков Артём Сергеевич. Не начальник. Опасен тем, что

слушает».

Славик завел двигатель.

— Куда теперь?

Марина посмотрела на закрытые ворота санатория.

— К людям, которые боялись Аронова больше, чем ненавидели.

— Это кто?

— Начнем с тех, кому он платил мало.

— Рабочие?

— Бывшие сотрудники санаториев.

— Ты знаешь таких?

— Нет.

— Прекрасно. Я люблю, когда у нас есть план.

Марина открыла старую папку контактов.

Пять лет назад она делала материал о закрытии ведомственных здравниц. Ей тогда писали медсестры, массажисты, администраторы, повара, сторожа. Почти все просили не называть имен.

Одни плакали. Другие хотели денег. Одна женщина прислала фотографию пустой грязелечебницы и подпись: «Здесь лечили людей, пока не поняли, что земля больше людей стоит».

Марина нашла этот контакт.

Имя: Тамара Ивановна.

Телефон мог давно не работать. Люди меняли номера, уезжали, умирали, учились молчать.

Она нажала вызов.

Гудок.

Второй.

Третий.

— Алло, — ответил женский голос.

Старше. Осторожнее. Но живой.

— Тамара Ивановна? Это Марина Крылова, журналист.

Мы с вами несколько лет назад говорили о «Лазурном склоне».

На линии стало тихо.

— Я ничего не знаю, — сказала женщина.

— Я еще не спросила.

— И не спрашивайте.

— Лев Аронов мертв.

Женщина резко вдохнула.

Потом прошептала:

— Господи.

Марина закрыла глаза.

Это была не радость и не равнодушие.

Страх.

— Вы можете встретиться? — спросила она.

— Нет.

— Тамара Ивановна, он должен был передать мне материалы.

— Значит, не успел.

— Вы знаете про список санаториев?

Женщина молчала слишком долго.

Славик посмотрел на Марину и перестал шутить.

— Кто вам сказал эти слова? — спросила Тамара Ивановна.

— Источник.

— Ваш источник уже мертв?

— Возможно.

— Тогда хотите быть следующей?

— Нет.

— Тогда забудьте список.

— Не могу.

Тамара Ивановна тихо, почти беззвучно заплакала. Не навзрыд. Так плачут люди, у которых слезы давно стали не событием, а привычкой тела.

— В четыре, — сказала она. — Старый рынок, павильон с тканями. Одна. Без камеры. Если увижу кого-то рядом, уйду.

— Хорошо.

— И телефон выключите за два квартала.

— Хорошо.

— Вы не понимаете, девочка. Если они убрали Аронова, значит, больше не боятся даже своих.

Связь оборвалась.

Марина медленно положила телефон на колени.

— Ну? — спросил Славик.

— В четыре встреча.

— Без камеры?

— Без камеры.

Он кивнул.

— Значит, я случайно буду пить чай где-нибудь рядом.

— Она сказала одна.

— Я не буду рядом. Я буду где-нибудь рядом рядом.

Марина хотела возразить, но не стала.

На экране ноутбука мигал пустой документ.

«АРОНОВ. СПИСОК САНАТОРИЕВ».

Она смотрела на эти слова и чувствовала, как история тяжелеет. Еще утром были пляжи, мазут, заборы, чиновники — привычное раздражение и привычная опасность. Теперь появился мертвый человек, который собирался говорить.

Появился сотрудник с пустым взглядом, предупредивший не верить анонимным материалам. И женщина, которая заплакала от слов «список санаториев».

И еще появилось сообщение, которое исчезло само.

Марина открыла диктофон и прослушала звонок источника еще раз.

«Не в документах».

Она остановила запись, перемотала назад и включила снова.

«У тех, кто боялся Аронова больше, чем ненавидел».

Славик выехал на дорогу.

Город за окном опять притворялся обычным: маршрутки, мокрые остановки, аптечные вывески, мужчина с пакетом мандаринов, школьники у перехода, реклама новогод-

них корпоративов в витрине ресторана. Над всем висел серый южный день — тяжелый, липкий, как недосказанная фраза.

Марина подумала, что в таких городах тайны не прячутся в подвалах.

Они висят на фасадах.

Просто все привыкают не смотреть вверх.

Глава 3

Начальник любит тишину

К одиннадцати утра дождь так и не начался, но воздух был уже полон обещания дождя.

Волков вернулся в управление с папкой первичных материалов, запахом сырого санатория на пальто и неприятным ощущением: по делу уже прошли до него. Следы оставили неровными не от спешки. Кто-то хотел посмотреть, кто наклонится их рассматривать.

В здании было тепло и пахло бумагой, мокрой одеждой и столовой. У входа дежурный смотрел новости на телефоне: черные пятна на песке, белые мешки, оранжевые жилеты, чиновник с обещанием «оперативной и комплексной работы».

Звук был выключен, но слова все равно читались без звука. Они везде одинаковые: после аварий, паводков, пожаров, провалов, смертей. Оперативно.

Комплексно. Под контролем.

Контроль был самым часто произносимым словом там,

где его не хватало.

В коридоре второго этажа он встретил Тихонова.

Егор шел навстречу с пластиковым стаканом кофе и булкой в зубах. Высокий, широкоплечий, в одежде, которую жизнь много раз пыталась привести в порядок и каждый раз бросала. Двухдневная щетина, старый шрам под глазом, походка чуть развязная.

Начальство называло это недисциплинированностью. Задержанные иногда принимали за доброту. Недолго.

Ошибка задержанных обычно длилась недолго.

— Наш красавец с моря? — спросил Тихонов, вынимая булку изо рта.

— Мертв.

— Это я понял. Сам или помогли?

— Как тебе удобнее для пищеварения?

Тихонов посмотрел на булку, подумал и все-таки откусил.

— Мне после девяностых ничего пищеварение не портит. Хотя я тогда был ребенком, но организм, видимо, запомнил по наследству.

— Телефон Аронова у тебя?

— У меня. И тебе не понравится.

— Последний звонок?

— Не здесь.

Волков посмотрел на него.

Тихонов сразу понял.

— Да, настолько.

Они прошли в маленькую комнату для совещаний — «аквариум», как называли ее все из-за стеклянной стены. Жалюзи там давно сломались и закрывались только наполовину. Тихонов поставил кофе на подоконник, достал планшет и открыл выгрузку.

— Телефон чистили, но лениво, — сказал он. — Не в смысле непрофессионально. В смысле — чистили для тех, кто не будет копать глубоко. Переписки почти пустые, мессенджеры снесены, история звонков за последние сутки выглядит аккуратно. Но биллинг уже пришел частично.

— И?

— Последний исходящий в двадцать два сорок шесть. Номер зарегистрирован на некоего Платона Сергеевича Корнева.

— Кто такой?

— Никто. Умер в две тысячи четырнадцатом. Инсульт, Адлерская больница. Пенсионер. До смерти, судя по открытым базам, никакого отношения к Аронову.

Волков взял планшет.

Номер был коротко знакомым. Не сам номер — его форма, первые цифры, оператор, региональная привязка. Что-то дернулось в памяти, но не вышло сразу.

— Сим-карта активна?

— Вчера была. Последний раз ловилась в районе старого порта, потом ушла в тень. Сегодня молчит.

— На кого фактически оформляли после смерти Корне-

ева?

— Вот тут весело. Паспортные данные старые. Номер должен был быть давно заблокирован, но жил своей жизнью. Платежи наличными через терминалы. Последнее пополнение три дня назад у магазина на Донской.

— Камеры?

— Запросил. Но там либо не работают, либо работают, но не для нас.

Волков отдал планшет.

— Ты сказал, мне не понравится.

Тихонов перестал жевать.

— Я прогнал номер по старым внутренним заметкам. Не официально. Просто по своим копиям. Он всплывал в одном деле десятилетней давности. Не как фигурант — как контакт на листе, который потом признали не относящимся к материалам.

— Каком деле?

Тихонов посмотрел на стеклянную стену.

За ней кто-то прошел по коридору. Шаги удалились.

— По делу твоего отца.

Волков не изменился в лице.

Тихонов знал его давно и все равно каждый раз злился на эту неподвижность. Другой бы дернулся, спросил, выругался, отвернулся. Волков просто стал тише. Не замер — включился без звука.

— Покажи.

— Артём.

— Покажи.

Тихонов открыл другой файл.

Скан был старый: серые пятна, плохая резкость, перекошенная страница. Фамилии, номера, пометки от руки. Фамилию отца Волков увидел не сразу. Сергей Михайлович Волков. Рядом — дата, которая жила в памяти с неприятной точностью: март две тысячи четырнадцатого.

Номер Корнеева был ниже, без расшифровки. Рядом стояла буква «П» и знак вопроса.

— Откуда у тебя это? — спросил Волков.

— Ты мне сам когда-то дал коробку копий. Сказал: если начну искать слишком явно, напомни мне, что я идиот.

— Напоминаешь?

— Пока уточняю формулировку.

Волков долго смотрел на страницу.

Отец официально погиб в результате несчастного случая. Машина ночью ушла с дороги, ударилась в бетонное ограждение, загорелась. Экспертиза: усталость, скорость, плохая видимость. Ничего необычного. Именно обычность и была невыносима.

Смерть, которую аккуратно объяснили.

Теперь другая аккуратная смерть оставила номер из старых обрывков.

— Совпадение? — спросил Тихонов.

— Бывает.

— Ты сам в это веришь?

— В совпадения — да. В ленивые совпадения — нет.

Тихонов взял кофе, сделал глоток, поморщился.

— Грачёв уже звонил?

— Говорил.

— Орать будет?

— Нет. Он любит тишину.

— Это хуже.

— Да.

На стекле дважды постучали.

Секретарь Грачёва, женщина с лицом человека, который знал все расписания и половину чужих страхов, показала Волкову пальцем вверх.

— Роман Ильич ждёт.

Тихонов тихо сказал:

— Не говори ему про номер.

— Почему?

— Потому что если он не знает, рано. Если знает — поздно.

Волков посмотрел на него с легким интересом.

— Хорошая фраза.

— Я вообще иногда умный. Просто маскируюсь, чтобы не повысили.

— Сохрани биллинг. Отдельно.

— Уже.

— И найди все по Корнееву.

— Официально?

— Пока будто тебе скучно.

— Мне никогда не скучно. Я в государстве служу.

Волков вышел.

Кабинет Грачёва находился в конце коридора, за приемной с двумя шкафами и вечно капризным принтером. На стене — портрет. Под ним календарь с горными видами. На столе секретаря — стопка папок с цветными стикерами. Стикеры выглядели как попытка уговорить хаос соблюдать очередь.

— Проходите, — сказала секретарь. — Он один.

Грачёв действительно был один.

Грачёв стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел во двор. На столе лежал телефон экраном вниз, рядом — папка с первичным рапортом. Чай в стакане остыл. Грачёв не любил холодный чай, но иногда забывал пить, когда думал о неприятном.

— Закрой дверь, — сказал он.

Волков закрыл.

— Садись.

Волков сел.

Грачёв остался у окна.

— Ты говорил с Крыловой.

— У ворот.

— Зачем?

— Она задавала вопросы.

— Журналисты обычно этим портят воздух.

— Вы знали, что Аронов должен был с ней встретиться?

Грачёв повернулся.

— Вот что мне в тебе не нравится, Артём. Я задаю вопрос, ты отвечаешь вопросом. Это не интеллект. Это дурная привычка людей, которые уверены, что их слушают внимательнее, чем остальных.

— Вы знали?

— Нет.

Слишком быстро.

Волков оставил это при себе.

— Теперь знаю, — добавил Грачёв. — Она сказала?

— Да.

— И ты ей поверил?

— Я поверил, что она хотела, чтобы я это услышал.

Грачёв сел за стол.

— Крылова опасна не тем, что много знает. Она опасна тем, что не понимает, кто ей дает знать. Ей подбрасывают бумагу, она называет это источником. Ей открывают дверь, она думает, что сама нашла вход. Таких используют до первой крови. Потом делают из них мучеников, если это кому-то выгодно, или сумасшедших, если выгоднее так.

— Вы говорите почти с сочувствием.

— Я говорю с опытом.

Грачёв открыл папку.

— Теперь по Аронову. Я прочитал твою первичную за-

писку.

— Я ее еще не сдавал.

— Черновик.

Волков посмотрел на папку.

На верхнем листе был распечатанный текст с его компьютера. Не финальный. Черновой файл, который он оставил в закрытой системе, не отправляя.

Грачёв заметил взгляд.

— Не надо делать вид, что ты удивлен. Мы не в библиотеке.

— Я не удивлен. Я отмечаю скорость.

— Отмечай молча.

— Хорошо.

— Нет, не хорошо. Ты в каждом абзаце оставил крючок. Часы, бокал, записка, замки, камеры. Это не рапорт. Это приглашение копать.

— Потому что надо копать.

— Кому надо?

— Нам.

Грачёв усмехнулся.

— Люблю это слово. «Нам». Оно такое удобное. Всегда звучит как коллективная ответственность, пока не приходит время отвечать лично.

Он вынул из папки лист и положил перед Волковым.

— Вот новая версия.

Волков взял лист.

Текст был короткий, гладкий и мертвый:

«По состоянию на текущий момент признаки насильственного проникновения в кабинет не установлены. На месте обнаружена записка, предположительно выполненная рукой погибшего. Имеются сведения о сложном финансовом и эмоциональном состоянии Аронова Л.Д. Окончательные выводы будут сделаны по результатам экспертиз».

Часы исчезли.

Бокал исчез.

Камеры стали «техническими неполадками».

Смерть стала процессом.

— Это ложь, — сказал Волков.

— Это язык.

— Чей?

— Системы.

— Система плохо пишет.

Грачёв устало посмотрел на него.

— Ты думаешь, я хочу закрыть дело?

— Да.

— Неверно. Я хочу, чтобы дело не закрыло нас.

Он откинулся на спинку кресла.

— Аронов был связан с половиной побережья. Его ненавидели бывшие партнеры, жена, любовницы, обманутые пайщики, активисты, чиновники, которым он обещал одно и делал другое, бизнесмены, у которых он отжал подряд, и люди из Москвы, которым он вовремя не отдал то, что должен

был. Если мы сейчас напишем «убийство», сюда приедут те, кто будет искать не убийцу, а документы. И когда они поймут, что документов у нас нет, крайними станем мы.

— Значит, документы есть.

Грачёв замолчал.

Волков не улыбнулся.

Иногда улыбка только портила момент. Человек начинал защищаться. Молчание работало чище.

— Ты слышал слово «архив»? — спросил Грачёв.

— Нет.

— Но уже думаешь.

— Вы сказали «документы».

— Документы есть у всех. Архив — это слово для журналистов и идиотов, которые верят, что одна папка может объяснить страну.

— Может объяснить человека.

— Человека — да. Поэтому люди с архивами умирают чаще, чем люди с деньгами.

Грачёв потянулся к стакану, вспомнил, что чай холодный, и отставил.

— Слушай меня внимательно. Официально ты занимаешься первичной проверкой обстоятельств смерти. Без самостоятельных контактов с прессой. Без запросов, которые поднимут шум. Без героизма. Все материалы — через меня.

— Включая часы?

— Особенно часы.

— Почему они вас волнуют?

Грачёв медленно провел ладонью по лицу.

— Потому что тебя они уже волнуют. А когда тебя что-то волнует, через два дня у меня начинаются проблемы.

— Это не ответ.

— Это забота.

— О себе?

— О структуре. А структура иногда включает тебя, хотя ты делаешь все, чтобы она передумала.

Волков положил новый текст на стол.

— Кто звонил из Москвы?

— У тебя сегодня день вопросов не по званию?

— У меня сегодня смерть не по версии.

Грачёв смотрел на него долго. Потом сказал:

— Полковник Савельев. Управление координации. Приедет, возможно, завтра. Может, сегодня вечером. Зависит от того, насколько мы будем выглядеть взрослыми людьми.

— Что ему нужно?

— Чтобы мы не устроили пожар на складе бензина.

— А если пожар уже устроили?

— Тогда надо не бегать с факелом.

Волков молчал.

Имя Савельева ничего Волкову не сказало. Зато слова Грачёва сказали достаточно. Москва не ждала официального подтверждения, не читала сводки, не интересовалась вдовой. Она уже входила в дело, потому что знала, что именно

могло сгореть.

— Аронов должен был встретиться с Крыловой, — сказал Волков.

— Ты уже говорил.

— Значит, он хотел публичности.

— Или хотел напугать тех, кто боится публичности.

— Он снял часы.

— Опять.

— Или у него сняли часы.

— Артём.

— А кольцо оставили.

Грачёв ударил ладонью по столу.

Не сильно. Не истерично. Достаточно, чтобы показать границу.

— Хватит.

В комнате стало тихо.

За окном во двор въехала машина доставки. Водитель поднял воротник и побежал к служебному входу, держа папку над головой. Обычная жизнь продолжала развозить коробки даже туда, где люди обсуждали смерть.

Грачёв сказал уже спокойнее:

— Ты умный. Это все знают. Ты сам это знаешь лучше всех, хотя делаешь вид, что тебе все равно. Но ум — не бронжилет. Иногда он наоборот рисует мишень. Если ты сейчас начнешь ковырять Аронова глубже, чем нужно, ты попадешь не в убийцу. Ты попадешь в чужую схему. А в схемах

такого уровня следовательно — расходник. Даже если он прав.

— Тогда зачем вы меня отправили на место?

— Потому что если бы я отправил идиота, он бы ничего не заметил. А мне нужно знать, что можно не заметить.

Вот теперь Волков позволил себе короткую улыбку.

— Вы хотите видеть карту, но не хотите идти по ней.

— Я хочу знать, где мины.

— А если на одной из них уже стоите?

Грачёв посмотрел на него с настоящей усталостью.

— Все на них стоят. Просто большинство не смотрит под ноги.

Телефон на столе завибрировал.

Грачёв перевернул его, посмотрел на экран и отклонил вызов. Волков не увидел номер, но увидел, как у начальника напряглась челюсть.

— Ты перепишешь записку, — сказал Грачёв. — В нормальном виде.

— Нет.

Слово вышло тихим.

Грачёв поднял глаза.

— Что?

— Я не уберу факты, которые видел.

— Ты понимаешь, с кем разговариваешь?

— С человеком, который знает больше, чем говорит.

— Это описание должности.

— И с человеком, который слишком рано испугался ча-

сов.

Грачёв встал.

Теперь он был зол. Но злость у него была опытная, рабочая. Он не кричал: крик оставляет свидетелей.

— Выйди.

Волков тоже поднялся.

— Материалы по камерам мне нужны до конца дня.

— Выйди, Артём.

— И телефоны охраны.

— Ты отстранен от самостоятельных действий по этому эпизоду до моего распоряжения.

— Официально?

— Не заставляй меня.

— Неофициально не считается.

Грачёв медленно обошел стол и остановился рядом с ним.

Они стояли слишком близко для служебного разговора. Волков чувствовал от пальто Грачёва запах табака и холодного чая.

— Ты думаешь, тем, что не боишься, ты отличаешься от остальных? — тихо спросил Грачёв. — Нет. Все сначала не боятся. Потому что не понимают, что именно могут потерять. Страх приходит потом, когда появляется список. Карьера. Семья. Друзья. Старые дела. Мертвые родственники. Живые ошибки. У каждого человека есть место, куда можно надавить. У тебя тоже.

Волков смотрел на него спокойно.

— Вы знаете какое?

Грачёв не ответил сразу.

И в этой паузе ответ уже прозвучал.

— Выйди, — повторил он.

Волков взял со стола лист с гладкой версией рапорта.

— Это можно оставить себе?

— Зачем?

— Учиться языку системы.

Грачёв выхватил лист у него из руки.

— Вон.

Волков вышел.

В приемной секретарь подняла глаза, но ничего не спросила. Хорошие секретари знают: у вопросов есть срок годности. Иногда лучше подождать, пока ответ сам станет слухом.

В коридоре Тихонов ждал у окна с уже пустым стаканом.

— Ну? — спросил он.

— Начальник любит тишину.

— А ты?

— Я люблю, когда в тишине кто-то ошибается.

— Отстранил?

— Попробовал.

Тихонов выругался шепотом.

— Артём, я понимаю, ты у нас человек без нервной системы, но иногда полезно изображать послушание.

— Я изобразил.

— Плохо?

— Достаточно, чтобы он поверил, что я изображаю плохо.

— Это уже какая-то болезнь.

Они пошли по коридору.

— Что с номером Корнеева? — спросил Волков.

— Запросы уйдут не от нас. Через знакомого в крае. Медленно, криво, но без лишних флажков.

— Хорошо.

— И еще. По телефону Аронова. За день до смерти был короткий входящий от номера, который сейчас светится у одной женщины. Тамара Суханова, шестьдесят семь лет, бывшая заведующая административным корпусом «Лазурного склона». После реконструкции уволена. Живет в Хосте. Номер старый, настоящий.

Волков остановился.

— Аронов ей звонил?

— Она ему. Сорок секунд.

— Содержание?

— У нас не кино. Только факт звонка.

— Адрес есть?

— Есть.

— Поехали.

— Тебя только что отстранили.

— От самостоятельных действий.

— А я что, ансамбль?

— Ты свидетель моего послушания.

Тихонов посмотрел на него с тоской.

— Однажды меня из-за тебя уволят.

— Нет.

— Почему ты так уверен?

— Сначала посадят.

— Спасибо. С тобой всегда спокойнее.

Они спустились по лестнице.

У выхода дежурный все еще смотрел новости. Теперь на экране был молодой блогер — взъерошенный, злой, с телефоном на вытянутой руке. За его спиной люди в масках таскали мешки. Внизу бежала подпись: «Никита Рябой: нам врут про масштабы загрязнения».

Тихонов кивнул на экран.

— Видел этого? Орёт второй день. Полмиллиона просмотров на ролике.

— О чем?

— Мазут, берег, чиновники, закрытые пляжи, все украли. Обычный набор, только громче.

Волков задержался на секунду.

На экране блогер приблизил к камере черный комок в перчатке. Потом резко перевел объектив на бетонный забор за пляжем.

— А вот туда нас не пускают, — говорил он без звука, но субтитры бежали криво и быстро. — Потому что там не просто грязь. Там документы грязнее.

Волков прищурился.

— Включи звук, — сказал он дежурному.

Дежурный вздрогнул и нажал кнопку.

Голос блогера ворвался в холл:

— ...и если вы думаете, что это просто экологическая авария, вы ошибаетесь. Пока все смотрят на море, у нас тут под шумок пилят санатории, пляжи и землю. Я сегодня получил фото, которые доказывают: техника компании, связанной с покойным Львом Ароновым, работала на закрытом участке еще до того, как туда официально пустили службы. Вопрос: что они там делали? Убирали мазут? Или следы?

Тихонов медленно повернулся к Волкову.

— Покойным?

Волков смотрел на экран.

Ролик был опубликован двадцать минут назад.

Официальной информации о смерти Аронова еще не было.

Блогер Никита Рябой улыбнулся в камеру — зло, торжествующе, как человек, который уверен, что первым добрался до правды. Обычно именно в этот момент люди и становятся удобными.

Волков почти физически почувствовал, как дело сдвинулось с места.

Кто-то вывел в публичное поле смерть Аронова раньше времени.

Не через журналиста.

Через блогера.

Через шум, которому поверят быстрее, чем официальной

бумаге. Потому что шум похож на злость обычного человека.

— Поехали, — сказал Волков.

— К Сухановой?

— Сначала к ней.

— А потом?

Волков посмотрел на застывший кадр, где за спиной блогера виднелся бетонный забор и кусок старой таблички: «Южная орбита. Служебный вход».

В списке санаториев, который ему пока никто не показывал, это название уже появилось.

— Потом, — сказал он, — к человеку, который слишком рано узнал, что Аронов мертв.

Тихонов вздохнул.

— Начальник будет недоволен.

Волков вышел под влажный холодный воздух.

— Начальник любит тишину, Егор.

Он застегнул пальто.

— Значит, надо слушать шум.

Глава 4

Видео с черной водой

Никита Рябой не считал себя блогером.

Слово ему не нравилось. Слишком легкое, почти детское: кольцевая лампа, скидки на кроссовки, вечная улыбка, которую включают вместе с камерой. Никита улыбаться не любил. У него были резкие скулы, воспаленные от недосыпа глаза и голос, который быстро становился громким, даже ес-

ли начинал спокойно.

Он называл себя независимым журналистом.

Редакторы называли его хайпожором.

Чиновники — провокатором.

Подписчики — «наш Никита».

Враги — по-разному, но в основном коротко.

Он проснулся в машине в семь пятнадцать — шея затекла, во рту стоял вкус холодного кофе. Ночевать пришлось на парковке у закрытого пансионата: гостиницу он забронировать забыл, а спорить с администратором в два ночи сил уже не было. На заднем сиденье валялись штатив, пауэрбанк, две мокрые куртки, контейнер с недоеденной лапшой и сапоги, купленные вчера у рыбака за три тысячи.

Сапоги пахли морем, мазутом и чужими ногами.

Никита открыл дверь, высунулся наружу и сразу поморщился.

Ветер принес с берега тяжелый запах нефтепродуктов. Не бензиновый, почти чистый, как на заправке. Здесь пахло грязнее: соль, гниль, мазут, мокрый песок. Запах забивался в нос и оставался в горле, как плохая новость, которую уже услышал, но еще не понял.

На телефоне было двадцать три уведомления.

Пять сообщений от подписчиков с видео с разных пляжей. Три рекламных предложения: туристическое снаряжение, доставка еды и совсем неприличное — букмекерская контора хотела «сыграть на волне актуальной темы». Два со-

общения от матери: «Ты где?» и через час: «Никита, ответ нормально». Семь угроз. Остальное — шум.

Он открыл статистику вчерашнего ролика.

Четыреста восемьдесят две тысячи просмотров.

Никита почувствовал, как внутри неприятно и сладко дернулось.

Он ненавидел себя за эту реакцию. Каждый раз обещал себе: цифры ничего не значат, главное — правда, он снимает не ради охватов, а потому что кто-то должен показывать спрятанное. Но цифры все равно били точнее лозунгов. Почти полмиллиона человек посмотрели, как он стоит у черной воды и орет, что им врут.

Значит, сегодня надо было орать громче.

Он умылся водой из бутылки, сплюнул в траву, достал телефон, включил фронтальную камеру и посмотрел на себя.

Лицо было помятое. Волосы торчали. Под глазами темные круги.

Отлично.

Люди не верили выпавшимся разоблачителям. Выпавшийся человек похож на часть системы. Настоящий должен быть злым, усталым и немного похожим на того, кто давно не ел нормально.

Никита нажал запись.

— Друзья, я на месте. Это Сочи, район закрытого участка побережья. Официально здесь все под контролем. Неофициально — воняет так, что у меня глаза режет. Сейчас пойдем

смотреть, что именно от нас закрывают.

Он остановил запись, посмотрел дубль.

Слишком бодро.

Удалил.

Включил снова.

— Пока нам рассказывают, что ситуация стабилизируется, берег продолжают закрывать заборами. Не просто грязный берег. Не просто мазут. Закрывают доступ туда, где прямо сейчас могут прятать следы совсем другой истории.

Лучше.

Он сохранил фрагмент и вышел из машины.

К пляжу вела боковая тропа — мимо заброшенного кафе и бетонной стены с выцветшей рекламой экскурсий. Когда-то здесь продавали кукурузу, пиво, магнитики и фотографии с попугаем. Теперь стойки были заколочены фанерой, столики сложены у стены, а на мокром песке лежали темные комки, похожие на внутренности какого-то большого механического зверя.

На берегу работали волонтеры.

Человек десять. Маски, перчатки, старые дождевики, у кого-то строительные очки. Они сгребали загрязненный песок в мешки — медленно, молча, с выражением людей, которые уже поняли: работа важная, но ее всё равно мало.

Девушка сидела на корточках возле птицы с испачканным крылом и пыталась оттереть черную пленку тряпкой. Птица дергалась. Девушка плакала и продолжала.

Никита снял это издалека.

Потом выключил камеру.

Были вещи, на которых нельзя было наживаться слишком прямо. Даже ему.

— Никита? — окликнули его.

К нему подошел высокий парень в оранжевом жилете. Лицо красное от ветра, руки в черных пятнах.

— Я.

— Ты вчера снимал у старой лестницы?

— Снимал.

— Хорошо сказал.

Никита кивнул.

Когда его хвалили в интернете, это было терпимо: аватарка, ник, короткая реакция. В жизни — глаза. А с глазами сложнее врать самому себе.

— Что здесь? — спросил он.

Парень усмехнулся.

— А ты сам не видишь?

— Я вижу грязь. Меня интересует, почему участок закрыли ночью и почему там техника работала до приезда служб.

Парень сразу перестал усмехаться.

— Не знаю.

— Знаешь.

— Не знаю, — повторил тот тише. — И тебе не советую знать.

Никита включил камеру.

— Можешь сказать это на запись?

— Ты больной?

— Иногда помогает.

Парень отступил.

— Слушай, мы тут берег чистим. Не надо нас подставлять.

Хочешь воевать — войуй с теми, у кого охрана, а не с нами.

— Охрана где?

Парень посмотрел в сторону бетонного забора.

— Там, куда тебя не пустят.

— Что за объект?

— Раньше санаторий был. «Южная орбита». Потом закрыли, потом перепродали, потом снова закрыли. У нас тут все закрывают, когда не знают, как украсть открыто.

— Кто владелец?

— Ты журналист, сам найди.

— Я не журналист.

Парень посмотрел на него почти с жалостью.

— Вот именно.

Он ушел к мешкам.

Никита постоял, сжимая телефон в руке.

Фраза задела.

Он привык, что чиновники произносят «блогер» с презрением. Привык, что телевизионщики берут его видео без спроса, а потом в коридорах говорят: «Ну это же интернетный мальчик». Привык, что серьезные журналисты морщатся рядом с ним, будто боятся испачкаться не мазутом, а его

стилем.

Но когда то же самое сказал волонтер в грязных перчатках, стало неприятно.

Никита отвернулся к морю и снова открыл телефон.

В мессенджере мигало новое сообщение от неизвестного аккаунта с пустой аватаркой.

«Хочешь понять, что там за забором?»

Никита замер.

Он оглянулся.

Никто рядом на него не смотрел. Волонтеры работали. Девушка с птицей говорила с кем-то по телефону. У заброшенного кафе курили двое мужчин.

Он напечатал:

«Кто ты?»

Ответ пришел почти тут же.

«Тот, кто знает, почему Аронов сегодня не ответит на звонки».

Никита нахмурился.

Имя было знакомое. Лев Аронов. Стройки, санатории, элитные объекты, вечные скандалы, которые быстро исчезали из повестки.

Никита пару раз упоминал его в роликах, но глубоко не лез. Не от страха — говорил он себе. Просто к таким людям лучше подходить с документами, юристом и запасным телефоном.

У Никиты не было ни документов, ни юриста, ни запасно-

го телефона, который он не потерял бы через неделю.

Он написал:

«Что с ним?»

Ответ:

«Он мертв».

Никита почувствовал холод в животе.

Он сразу открыл новости.

Ничего.

Городские каналы — ничего.

Официальные сводки — ничего.

Он снова написал:

«Бред».

Собеседник прислал фотографию.

Снимок был сделан издалека, через мокрое стекло или с плохим зумом. На нем виднелись ворота санатория, полицейская машина, люди у входа, черный внедорожник. Ничего особенного, кроме подписи:

«Лазурный склон. 08:31».

Следом пришел второй файл.

Фрагмент документа. Таблица. Названия объектов: «Лазурный склон», «Южная орбита», «Морская звезда», «Горный воздух». Рядом — названия компаний, суммы, даты, короткие пометки. Часть строк была закрыта черными прямоугольниками.

Третьим сообщением пришла фотография строительной техники у закрытого участка берега. На борту одной машины

был логотип компании, которую Никита видел в материалах об Аронове.

Четвертое сообщение:

«Пока все смотрят на мазут, они чистят не берег. Они чистят следы».

Никита почувствовал, как сердце забилося быстрее.

Вот оно.

Вот так начинались истории, ради которых он и жил последние три года. Не с пресс-релиза и не с официального комментария. С анонимного сообщения, мутной фотографии, чужого страха и ощущения, что ты на секунду оказался ближе к спрятанному механизму, чем тебе положено.

Он написал:

«Откуда инфо про смерть?»

Ответ:

«Опубликуешь — узнаешь больше».

Никита усмехнулся.

— Ну конечно.

Схема была знакомая. Сначала тебе бросают кость. Потом заставляют гавкнуть. Потом обещают еще. Иногда за этим правда что-то стояло. Иногда — развод. Иногда — чужая война, где тебя используют как громкоговоритель, потому что аудитория уже есть, а защиты нет.

Он должен был остановиться.

Проверить.

Найти подтверждение.

Позвонить кому-то.

Но он уже представлял заголовок.

«Пока власти молчат: бизнесмен, связанный с закрытыми пляжами, найден мертвым».

Нет. Слишком длинно.

«Покойный Аронов и черная вода: что скрывают за забором?»

Лучше.

Он открыл чат с Оксаной.

Оксана не была его продюсером официально: слово «продюсер» требовало денег, которых у Никиты никогда не хватало. Она монтировала ролики, писала тексты для постов, отбивалась от рекламодателей, ругалась с площадками из-за блокировок и иногда напоминала Никите, что бессмертие ему никто не выдавал.

Он отправил ей документы и написал:

«Смотри срочно».

Ответ пришел через минуту:

«Откуда?»

«Источник».

«Какой?»

«Анонимный».

«Никита».

«Что?»

«Не публикуй слово “мертв”, пока нет подтверждения».

«Они молчат специально».

«Может быть. А может, тебя подставляют».

«Кто?»

«Все, у кого есть интернет и больше мозгов, чем у тебя сейчас».

Он раздраженно выключил экран.

Оксана всегда портила момент. Не из трусости. Из-за этой ее ужасной привычки часто быть правой.

Никита прошел вдоль забора. Бетонная стена тянулась к старому служебному въезду. В одном месте краска облезла, и под свежим слоем проступили старые буквы: «Южная орбита». Дальше стояли ворота с цепью и навесным замком. За ними пустая дорога уходила между кипарисами к корпусу, почти скрытому деревьями.

Он поднял телефон и начал снимать.

Слова пошли сами.

Он говорил о загрязнении, закрытых участках, технике, санаториях, схемах. Источник не называл. Документы показывал мельком. Но в середине ролика, разогревшись от ветра, запаха и собственного возбуждения, сказал:

— Техника компании, связанной с покойным Львом Ароновым, работала на закрытом участке еще до того, как сюда официально пустили службы.

Он сказал это и не остановился.

Не переснял.

Не смягчил.

Потому что фраза была сильной.

Потому что слово «покойный» ударило в кадр так, как должно было ударить.

Потому что он слишком хорошо знал: зритель не любит осторожность. Осторожность не репостят. Она не спасает канал, когда тебе урезают показы. И новых подписчиков осторожность тоже не приводит.

Он закончил ролик у ворот.

— Вопрос простой: что они там делали? Убирали мазут? Или следы?

Стоп.

Он посмотрел запись.

Грязная вода. Забор. Его лицо крупным планом. Злой голос. Ветер бил в микрофон, но терпимо. Документы мелькали достаточно быстро, чтобы заинтересовать, но не дать рассмотреть.

Идеально.

Оксана позвонила сразу, как только он начал заливать файл.

— Не публикуй, — сказала она без приветствия.

— Поздно.

— Никита!

— Там все аккуратно.

— Ты сказал «покойный».

— Потому что он мертв.

— Ты это видел?

— Нет.

— Есть официальный источник?

— Официальный источник у нас обычно появляется, когда ему разрешили говорить.

— А если он жив?

Никита посмотрел на ворота.

За ними что-то двигалось. Возможно, ветка. Возможно, человек.

— Если жив, пусть выйдет и опровергнет.

Оксана молчала.

Потом сказала тихо:

— Однажды ты перепутаешь смелость с тщеславием, и тебя убьют не за правду, а за то, что ты кому-то удобен.

— Спасибо за поддержку.

— Я не поддержка. Я тормоз. У каждой машины, которая несется в стену, должен быть тормоз.

— Значит, плохо работаешь.

— Никита, удали хотя бы слово про смерть.

Ролик загрузился.

Никита посмотрел на кнопку публикации.

Большая синяя кнопка.

Глупо, что такие вещи решаются касанием пальца. Потом начнут звонить, угрожать, приезжать, заводить дела, ломать двери, писать заявления. А начало всего — маленькое движение по стеклу.

Он нажал.

— Все, — сказал он. — Вышло.

Оксана выдохнула так, будто он не ролик опубликовал, а шагнул с крыши.

— Тогда хотя бы уезжай оттуда.

— Сейчас.

— Не «сейчас», а прямо сейчас.

— Мне еще надо снять общий план.

— Никита.

— Все, связь плохая.

Он отключился.

На самом деле связь была нормальная.

Первые комментарии пошли через минуту.

«Вот это да».

«Аронов реально умер?»

«Никита, осторожнее».

«Опять хайп на трагедии».

«Если правда, это бомба».

«Кто такой Аронов?»

«Скиньте документы».

«Власти молчат, значит правда».

Он обновил статистику.

Тысяча просмотров.

Три тысячи.

Семь.

Двенадцать.

Ролик пошел.

Никита почувствовал знакомую дрожь. Не страх — ско-

рость. Будто он стоял не на мокром берегу, а на подножке поезда, который уже тронулся. Теперь главное — не сорваться.

Новое сообщение от пустого аккаунта:

«Хорошо».

Никита написал:

«Теперь говори».

Ответ:

«Ты сказал не все».

«Что именно?»

«За забором есть склад. Старый пищеблок. Там сегодня ночью жгли бумаги».

Никита оглянулся на ворота.

«Откуда знаешь?»

«Потому что я их выносил».

Он почувствовал, как пересохло во рту.

«Кто ты?»

«Пока никто. Хочешь стать журналистом — приезжай к служебному въезду через двадцать минут. Один. Без эфира».

Никита усмехнулся, но уже не так уверенно.

Он посмотрел на волонтеров. На девушку с птицей. На серую воду. На ворота. На свой телефон, где просмотры росли чересчур быстро.

Оксана снова звонила.

Он сбросил.

Через секунду пришло сообщение:

«Не вздумай идти один».

Никита напечатал:

«Я не идиот».

Потом стер.

Потому что это было бы слишком легко опровергнуть.

Он вернулся к машине, бросил телефон на пассажирское сиденье, завел двигатель и включил печку. Из воздуховодов потянуло холодной пылью. Руки дрожали уже не только от холода — от адреналина тоже.

К служебному въезду вела разбитая дорога вдоль старых корпусов. Навигатор показывал тупик. Хорошо. Настоящие истории редко начинаются там, где навигатор уверенно сообщает: «вы прибыли».

Он поехал медленно.

Через пять минут заметил черную «Ладу» без переднего номера.

Она стояла у обочины, когда он проезжал мимо старой автобусной остановки. Потом тронулась следом.

Никита посмотрел в зеркало.

— Ну здравствуйте, — сказал он вслух.

Он не был героем. Это важно было помнить. В кадре смелость появлялась легче: камера превращала страх в роль. Без камеры страх был обычным — мокрые ладони, сухой рот, желание свернуть к людному месту и сделать вид, что так и планировал.

Он включил запись на втором телефоне. Тот был старый, с треснутым экраном, но еще работал.

— Если со мной что-то случится, — сказал он тихо, чувствуя себя идиотом, — я еду к служебному въезду санатория «Южная орбита». За мной, возможно, идет черная «Лада» без переднего номера. Время...

Он посмотрел на часы на панели.

— Десять пятьдесят восемь.

Остановил запись. Отправил Оксане.

Ответ пришел почти тут же:

«Ты совсем больной? Где ты?»

Он не ответил.

Дорога стала хуже: ямы, мокрые листья, куски старого асфальта. Слева тянулся бетонный забор, справа — заросший склон. За деревьями мелькнул старый корпус санатория, длинный и серый, с выбитыми окнами на верхнем этаже. У входа висела перекошенная ржавая табличка.

Когда-то сюда приезжали лечиться.

Теперь здесь было удобное место для вещей, которые не должны происходить на виду.

У служебного въезда никого не было.

Только ворота, приоткрытые ровно настолько, чтобы прошел человек, но не машина.

Никита остановился.

Черная «Лада» исчезла. Или осталась за поворотом. Невидимая угроза была хуже видимой: видимая хотя бы сэкономила фантазию.

Он взял телефон, пауэрбанк и маленькую камеру. Поду-

мал, взял из бардачка складной нож. Нож был дешевый, тупой и больше подходил для нарезки яблок, но руке стало спокойнее.

Сообщение от пустого аккаунта:

«Телефон оставь в машине».

Никита посмотрел на экран.

Потом на ворота.

Потом снова на экран.

— Ага, конечно.

Он выключил основной телефон, но оставил в кармане старый, на котором шла запись звука. Не гениальный ход. Просто единственное, на что хватило нервов.

За воротами пахло сыростью, плесенью и гарью.

Старый служебный проезд вел к низкому зданию с выбитыми стеклами. На стене еще держалась надпись «Пищеблок». Рядом — ржавые тележки, несколько пластиковых контейнеров и свежие следы шин в грязи.

Свежие.

Никита присел, снял их крупно.

Потом услышал треск.

Не громкий. Как если бы кто-то наступил на мокрую ветку.

Он резко обернулся.

Никого.

— Эй, — сказал он.

Голос прозвучал глупо и тонко.

Он пошел к пищеблоку.

Дверь была открыта. Внутри темно, только в дальнем помещении серел свет из разбитого окна. На полу валялись старые коробки, куски плитки, ржавые крышки от кастрюль. Здесь давно ничего не готовили. Зато гарью пахло свежей.

В дальнем углу стояла металлическая бочка.

В ней еще тлели бумаги.

Никита подошел ближе.

Сердце стучало так громко, что мешало слушать. Никита включил фонарик на телефоне и осветил в бочку. Обгоревшие листы, папки, куски пластиковых файлов. Почти всё превратилось в черные хлопья, но несколько страниц по краям уцелели.

Он вытащил одну двумя пальцами.

Бумага рассыпалась по краю, но текст читался.

«Южная орбита».

Ниже — дата.

Еще ниже — фамилия Аронова.

Никита забыл дышать.

Он поднял камеру.

— Я нахожусь внутри старого пищеблока санатория «Южная орбита», — прошептал он. — Здесь только что жгли документы. На одном из листов...

Сзади скрипнула дверь.

Никита замолчал.

Медленно повернулся.

В проеме стоял человек.

Не источник. Не волонтер. Не охранник в форме.

Мужчина в темной куртке, капюшон натянут так низко, что лица почти не видно. В руке телефон. Оружия он не держал — по крайней мере, Никита не видел. Почему-то от этого стало только страшнее.

— Ты быстро приехал, — сказал мужчина.

Голос был спокойный.

Слишком спокойный для человека, который случайно оказался в заброшенном пищеблоке.

— Это ты мне писал? — спросил Никита.

— Я передал тебе то, что ты хотел получить.

— Документы?

— Крючок.

Никита сжал камеру.

— Кто ты?

Мужчина сделал шаг внутрь.

— Человек, который объяснит тебе разницу между правдой и наживкой.

За спиной Никиты в бочке тихо осел пепел.

И только тут он понял: ролик, который уже смотрели тысячи людей, был не началом расследования.

Он был приглашением.

И он только что пришел на него один.

Глава 5

Вдова без слез

Вдова Аронова жила не в доме, а в витрине.

Так подумал Волков, когда машина остановилась у жилого комплекса на склоне, откуда город казался ниже, тише и удобнее для владения. Стекло, камень, охрана у въезда, шлагбаум, камеры под козырьками, аккуратные кипарисы вдоль дороги.

Такие места строили не для жизни. Их строили для чувства, что жизнь можно отделить от остальных людей забором, пропуском и подземным паркингом.

Тихонов заглушил двигатель и посмотрел на фасад.

— Вот что мне нравится в богатых, — сказал он. — У них даже тоска с панорамным видом.

— Ты завидуешь?

— Нет. Я бы здесь заблудился, пока искал мусоропровод. У въезда их уже ждали.

Охранник в темном костюме вышел из будки, держа планшет обеими руками, почти как икону. Выбритое до блеска лицо, уложенные волосы, начищенная обувь. Он выглядел не тем, кто способен остановить угрозу, а тем, кто вежливо попросит угрозу подождать у шлагбаума.

— Ваши документы, пожалуйста.

Тихонов показал удостоверение.

Охранник посмотрел на него, потом на Волкова, потом снова в планшет.

— Ирина Павловна предупреждена о вашем приезде. Подъезд третий. Лифт с ключом, я сопровождаю.

— Камеры у вас работают? — спросил Волков.

Охранник моргнул.

— Конечно.

— За последние сутки сбоев не было?

— Не могу сказать. Это к старшему смены.

— Вы и есть смена.

— Я на въезде.

— Значит, смена начинается с вас.

Охранник не понял, надо ли улыбнуться. Выбрал не улыбаться.

— Техническая служба предоставит информацию по официальному запросу.

— Хороший ответ, — сказал Тихонов. — Сразу видно, человек дорогую недвижимость охраняет, а не наши надежды.

Волков смотрел не на охранника, а на камеру над будкой.

Камера была повернута на въезжающие машины. Но угол казался неправильным — чуть выше, чем нужно. Номера она видела отлично, а лицо водителя почти теряла, если тот опускал козырек или сидел глубже. Возможно, случайность. Возможно, настройка для тех, кто приезжал неофициально.

Случайности в дорогих местах стоили дороже, чем в дешевых.

Охранник сел с ними в лифт.

Внутри пахло деревом, парфюмом и дорогой вентиляцией. На стене висело зеркало без пятен. В нем Волков видел

себя, Тихонова и охранника. Тихонов стоял расслабленно, но руки держал свободными. Охранник старался смотреть на двери. Волков смотрел на его отражение.

— Ирина Павловна дома одна? — спросил он.

— Насколько мне известно, да.

— Кто сегодня приходил?

— Родственники. Врач. Адвокат.

— В каком порядке?

— Не могу сказать.

— Только что могли сказать, что она одна.

Охранник покраснел.

Тихонов повернулся к Волкову.

— Артём, ты сейчас человека доведешь до увольнения.

— Нет. До памяти.

Охранник молчал до самого этажа.

Квартира Ароновых занимала половину верхнего уровня.

Дверь открыла женщина лет сорока пяти, может, чуть старше. У богатых женщин возраст часто не факт, а договоренность между косметологом, фотографией и светом.

Усталость в такие договоренности не входила: она лежала под глазами, в уголках губ, в пальцах, сжимавших край шелкового халата.

— Ирина Павловна? — спросил Волков.

— Да.

Голос у нее был ровный.

Не пустой. Ровный.

Так говорят те, кто уже несколько часов подряд объясняют себе, как надо держаться, и пока еще справляются.

Она отступила, пропуская их внутрь.

Квартира была большой и очень тихой: белые стены, темный пол, низкая мебель, панорамные окна на море. На стене висела современная живопись, не пытавшаяся понравиться. На столике — стеклянная ваза с белыми цветами. Слишком свежими для дома, где только что узнали о смерти.

Волков снял пальто и задержался в прихожей.

На тумбе лежали женские перчатки, ключи, солнечные очки, конверт из плотной бумаги и маленькая коробка с лекарствами. Мужских вещей почти не было. Ни обуви, ни шарфа, ни часов, ни того привычного беспорядка, который оставляет человек, живущий здесь каждый день.

— Ваш муж часто бывал дома? — спросил Волков.

Ирина Павловна посмотрела на него.

— Вы всегда начинаете с личного?

— С видимого.

— Тогда видимое вас не обмануло. Лев давно здесь не жил постоянно.

— Где жил?

— Везде, где ему казалось, что он нужен.

— А на самом деле?

Она прошла в гостиную.

— А на самом деле он был нужен только тем, кому что-то должен.

Тихонов поднял брови, но промолчал.

Ирина Павловна села в кресло у окна. Не на диван, где можно выглядеть слабее. Не за стол, где легче поставить дистанцию. Именно в кресло. Спина прямая, руки на коленях, ноги вместе. Поза женщины, которую когда-то научили быть женой публичного мужчины: не сутулиться, не суетиться, не плакать в кадре и не говорить первой лишнего.

— Вы хотите чай? — спросила она.

— Нет, — сказал Волков.

— Я все равно попрошу сделать.

— У вас кто-то есть?

— Домработница. На кухне.

— Вы сказали, что дома одна.

— Я сказала? Или ваш охранник сказал?

Она посмотрела на него спокойно.

Волков едва заметно кивнул.

Не глупа.

Домработница принесла чай через несколько минут — маленькая женщина с усталым лицом и быстрыми руками. Она поставила поднос на столик, стараясь не смотреть ни на кого. На запястье Волков заметил красную полоску от резинки или браслета. Свежую. Слишком тугую.

— Как вас зовут? — спросил он.

Женщина вздрогнула.

— Нина.

— Нина, кто сегодня был в квартире?

Ирина Павловна тихо сказала:

— Нина не обязана отвечать без моего разрешения.

— Обязана, если вопрос касается обстоятельств смерти
вашего мужа.

— Мой муж умер не здесь.

— Но бояться начали здесь.

В комнате стало тише.

Нина опустила глаза.

Ирина Павловна посмотрела на Волкова уже иначе. До
этого она оценивала его как очередного человека с удосто-
верением. Теперь — как проблему.

— Нина, идите, — сказала она.

Домработница ушла почти бегом.

Тихонов проводил ее взглядом.

— Пугливая.

— Здесь все пугливые, — сказала Ирина Павловна. —

Просто не все имеют право это показывать.

Волков сел напротив.

— Когда вы в последний раз видели мужа?

— Позавчера вечером.

— Где?

— Здесь.

— Во сколько?

— Около девяти.

— Он приехал один?

— С водителем. Водитель ждал внизу.

— Сколько пробыл?

— Минут сорок.

— Разговор?

— Неприятный.

— О чем?

— О том, о чем обычно говорят супруги перед разводом.

Деньги, дочь, имущество, адвокаты, взаимное презрение.

— Вы разводились?

— Давно. Просто не подавали.

— Почему?

— Потому что брак иногда удобнее ненависти. Особенно если у вас общие счета, недвижимость и взрослая дочь, которая не хочет выбирать сторону.

Она сказала это без горечи. Как финансовый факт.

Волков посмотрел на ее руки. Ногти короткие, дорогой нейтральный маникюр. Обручального кольца на пальце не было. На месте кольца — едва заметная светлая полоска.

— Вы сняли кольцо сегодня?

— Вчера.

— До смерти мужа?

— До того, как мне о ней сообщили.

— Почему?

— Потому что Лев сказал, что больше не будет делать вид.

— Что именно?

— Что у нас есть семья.

Тихонов стоял у окна, делая вид, что рассматривает вид.

На самом деле он слушал каждое слово.

— Ирина Павловна, — сказал Волков, — ваш муж оставил кольцо на руке.

Она впервые моргнула не сразу.

Маленькая задержка. Меньше секунды.

Но до этого она отвечала ровно. Теперь ответ пришел позже.

— Значит, передумал.

— Вы в это верите?

— Я давно не строю веру на поступках Льва.

— Он носил часы?

Она усмехнулась.

— Разумеется.

— Какие?

— Последние? Швейцарские. Тяжелые. Неприлично дорогие. Он любил вещи, которые сообщали цену раньше, чем характер.

— Он снимал их?

— На ночь. Иногда в душе. В бассейне не снимал — говорил, что часы должны пережить человека.

— Сегодня утром на нем часов не было.

Ирина Павловна посмотрела в окно.

С высоты море выглядело спокойнее, чем внизу. Серое, тяжелое, с белой каймой у берега. Отсюда не было видно мазута, мешков, волонтеров, закрытых лестниц. Богатые виды часто скрывают грязь расстоянием.

— Тогда их забрали, — сказала она.

— Почему вы так решили?

— Потому что Лев не оставил бы их кому попало.

— Может, снял сам.

— Перед смертью?

— Да.

— Нет.

— Почему?

Она повернулась к нему.

— Потому что Лев мог снять с себя жену, дочь, партнеров, страну, обязательства. Но не статус. Часы для него были не вещью. Это был его способ напоминать собеседнику, что его время стоит дороже.

Волков запомнил формулировку.

— Кто мог знать о часах?

— Все, кто с ним разговаривал больше пяти минут.

— А о том, что они важны?

— Те, кто понимал его лучше.

— Таких было много?

— Нет.

— Назовите.

Она молчала.

Тихонов оторвался от окна.

— Ирина Павловна, если часы забрали, значит, это может быть связано с убийством.

— Вы уже называете это убийством?

Волков ответил:

— Я называю это отсутствием часов.

— Аккуратно.

— Профессиональная болезнь.

— У моего мужа тоже была такая. Он называл вещи не теми словами, которыми они являются, а теми, которые выгоднее звучат в договоре.

Она взяла чашку, но не выпила.

Руки не дрожали.

Волкову не нравились люди, у которых в нужный момент не дрожат руки. Иногда это сила. Чаще — репетиция.

— Вы плакали? — спросил он.

Тихонов едва заметно повернул голову.

Даже для него вопрос прозвучал грубо.

Ирина Павловна поставила чашку обратно.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я еще не решила, что именно потеряла.

— Мужа.

— Это слово ничего не объясняет.

— Человека.

— Тем более.

Она сказала это тихо, почти устало. Не как женщина, которая ненавидит мертвого. Как женщина, которой мертвый оставил задачу.

— Вы боитесь, — сказал Волков.

— Конечно.

— Но не смерти мужа.

— Смерть Льва — это уже событие. Бояться события поздно.

— Тогда чего?

Ирина Павловна посмотрела на дверь, ведущую в коридор.

Там, за стенами, могла быть домработница. Камеры. Микрофоны. А могло не быть ничего. В таких квартирах даже пустота становилась подозрительной.

— Людей, которые придут после похорон, — сказала она.

— Кто они?

— Те, кому Лев обещал одно и не успел отдать. Те, у кого он взял другое и спрятал. Те, кто считал его своим человеком. Те, кто считал его чужим. Разница между ними исчезла вчера ночью.

— Почему вчера ночью?

— Потому что утром он уже был мертв.

— Вам сообщили утром?

— В семь десять.

— Кто?

— Роман Ильич Грачёв.

Тихонов перестал смотреть в окно.

— Грачёв? — спросил Волков.

— Да.

— Не полиция?

— Нет.

— Что он сказал?

— Что Лев найден мертвым. Что, предварительно, это самоубийство. Что мне не нужно ехать в санаторий. Что со мной свяжутся.

— Как он звучал?

— Как тот, кто давно готовился сказать эту фразу, но надеялся, что не придется.

Волков молчал.

Грачёв сообщил вдове раньше официальной процедуры. Возможно, из уважения. Возможно, из контроля. Возможно, потому что хотел первым поставить рамку: самоубийство, не приезжать, ждать.

— Вы пытались дозвониться мужу ночью? — спросил Волков.

— Да.

— Во сколько?

— Несколько раз. После одиннадцати.

— Зачем?

— Он должен был прислать документы по дочери. Доверенность, банковские бумаги. Ничего интересного для вас.

— Это я решу.

Она усмехнулась.

— Вы моложе, чем я думала.

— Почему?

— Только молодые мужчины с удостоверением так уве-

ренно говорят «я решу».

— Старшие говорят иначе?

— Старшие уже знают, кто решает на самом деле.

Тихонов кашлянул в кулак, скрывая улыбку.

Волков не отреагировал.

— Какие документы?

— На выезд.

— Чей?

Ирина Павловна отвела глаза.

Первое настоящее движение страха.

— Дочери.

— Куда?

— В Вену. Она там училась. Потом вернулась. Лев хотел, чтобы она снова уехала.

— Почему?

— Сказал, что в Сочи скоро станет душно.

— Дословно?

— Да.

— Когда сказал?

— Позавчера вечером.

— Вы решили, что он имел в виду бизнес?

— Я решила, что он опять драматизирует ради контроля.

— А теперь?

Она сжала губы.

— А теперь вы сидите у меня в гостиной и спрашиваете про часы.

Волков перевел взгляд на коридор.

— Где дочь?

— В Москве.

— Она знает?

— Да.

— Кто сообщил?

— Я.

— Она придет?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я запретила.

— Вы боитесь за нее?

— Я не боюсь. Я принимаю меры.

— Хорошая фраза.

— У Льва научилась.

Пауза.

Волков встал и подошел к полке у стены. Там стояли фотографии. Немного.

В богатых квартирах семейные снимки часто не любят: они портят универсальность интерьера. На одной — Аронов лет на пятнадцать моложе, рядом Ирина Павловна в синем платье, между ними девочка лет восьми.

На другой — взрослая дочь у старого европейского здания. На третьей — сам Аронов в деловом костюме пожимает руку человеку, которого на снимке обрезают так, что лица почти не осталось.

Обрезали плохо. Не дизайнер. Кто-то дома.

— Зачем убрали второго человека? — спросил Волков.

Ирина Павловна не спросила, откуда он знает.

— Лев попросил.

— Когда?

— Неделю назад.

— Почему?

— Сказал, что в доме не должно быть лишних лиц.

— Кто был на фото?

— Не знаю.

— Вы врете.

— Да.

Тихонов снова повернулся к ней.

Волков посмотрел на Ирину Павловну с интересом.

— Почему признаетесь?

— Потому что если скажу «не помню», вы начнете думать, что я глупее, чем есть. А это опаснее.

— Кто был на фото?

— Человек из Москвы.

— Имя?

— Я не знаю имени.

— Но знаете, что из Москвы.

— По тому, как Лев с ним разговаривал. С местными он торговался. С москвичами отчитывался.

— Когда сделана фотография?

— Года четыре назад. На каком-то закрытом мероприя-

тии. Лев принес снимок сам, поставил на полку. Сказал, что такие фотографии полезны: они напоминают гостям, что у него длинные руки.

— А неделю назад длинные руки стали лишними лицами.

— Видимо.

— Где обрезанная часть?

— Выбросила.

— Сама?

— Да.

— Куда?

— В мусор.

— Когда вывоз мусора?

Она впервые слабо улыбнулась.

— Вы правда думаете, что после смерти Льва обрезок фотографии все еще лежит в мусорном баке?

— Нет. Я думаю, что вы его не выбросили.

Ирина Павловна посмотрела на него долго.

Потом сказала:

— Вы не похожи на остальных.

— Чем?

— Они приходят за тем, что можно забрать. Вы — за тем, что можно понять.

— Понимание тоже забирают.

— Да. Но его сложнее найти при обыске.

Она встала, подошла к шкафу у стены, открыла нижний ящик и достала тонкий белый конверт. Не тот, что лежал в

прихожей. Другой. Передала Волкову.

Внутри лежал кусок фотографии.

Лицо мужчины было видно только наполовину. Около шестидесяти. Сухие черты, высокий лоб, очки в тонкой оправе. Не публичный чиновник. Не бизнесмен. Скорее тот, кто привык стоять рядом с теми, кого снимают, и сам не смотреть в камеру.

— Кто это? — спросил Тихонов.

— Не знаю, — сказала Ирина Павловна. — Правда не знаю.

— Но сохранили.

— Потому что Лев боялся его больше, чем показывал.

Волков убрал фрагмент в блокнот.

— Что еще он просил убрать?

— Один чемодан.

— Какой?

— Серый. Маленький. Для ручной клади. Он забрал его неделю назад.

— Что было внутри?

— Бумаги. Возможно, деньги. Возможно, ничего. Лев любил переносить пустые чемоданы с видом человека, который спасает империю.

— Куда забрал?

— Не сказал.

— Вы не спросили?

— Я спросила. Он ответил: «Если ты не знаешь, тебе легче

будет пережить допрос».

Тихонов тихо сказал:

— Заботливый.

— Очень, — ответила она. — Он всегда был щедр на безопасность, которая ничего ему не стоила.

Телефон Волкова завибрировал.

Сообщение от Тихонова, хотя тот стоял в трех метрах.

«Грачёв звонил два раза. Мне. Не тебе».

Волков посмотрел на него.

Тихонов сделал вид, что рассматривает вазу.

Грачёв уже знал, где они. Или догадывался. В любом случае времени становилось меньше.

— Ирина Павловна, — сказал Волков, — у вашего мужа были враги?

Она тихо рассмеялась.

Смех был коротким и сухим.

— У него были должники, кредиторы, партнеры, любовницы, чиновники, силовики, подрядчики, юристы и родственники. Если назвать всех врагами, слово потеряет смысл.

— Кто хотел его смерти?

— Почти все в какой-то момент.

— Кто мог ее организовать?

— Гораздо меньше.

— Назовите.

— Бельский.

Имя прозвучало без паузы.

Слишком готово.

— Константин Бельский? — уточнил Волков.

— Да.

— Почему?

— Потому что Лев собирался нарушить договоренность.

— Какую?

— Я не знаю деталей.

— Но знаете имя.

— Это имя Лев произносил, когда думал, что я не слышу.

— В каком контексте?

— «Бельский не простит». «Бельский не станет ждать».

«Бельский думает, что купил берег вместе с людьми». Примерно так.

— Они встречались недавно?

— Да.

— Когда?

— Три дня назад.

— Где?

— Здесь. На террасе.

— Вы видели Бельского?

— Из коридора.

— О чем говорили?

— Не слышала. Но после встречи Лев разбил бокал.

— Он часто бил посуду?

— Нет. Он считал это признаком бедности.

— Что сказал после?

— Что Бельский слишком рано почувствовал себя хозяином.

— А кто хозяин?

Она молчала.

— Ирина Павловна.

— Лев говорил, что у Бельского деньги. У Грачёва доступ. У Москвы терпение. А у него — страховка.

— Архив?

Она вздрогнула.

Вот теперь слово попало куда надо.

До этого она держалась, отвечала, выбирала интонации.

Но «архив» прошел через нее как ток.

— Я не знаю.

— Знаете слово.

— Все знают слово.

— Нет. Все знают слух. Вы знаете реакцию.

— Вы хотите, чтобы я сказала то, что потом не смогу забрать обратно.

— Я хочу, чтобы вы остались живы.

Она посмотрела на него почти с удивлением.

— Зачем?

Вопрос был задан без кокетства, без вызова. Искренне. Она действительно не понимала, зачем сотруднику управления нужна ее жизнь.

— Живые иногда вспоминают, — сказал Волков.

— Мертвые тоже. Просто через чужие документы.

— У вашего мужа были такие документы?

— У Льва были копии даже на собственную ложь.

— Где?

— Если бы я знала, вы бы уже не первый спрашивали.

— Кто был первым?

Ирина Павловна снова посмотрела на коридор.

— Адвокат.

— Имя?

— Шумский. Геннадий Маркович.

— Когда приходил?

— Через час после звонка Грачёва.

— Быстро.

— У Льва быстрые адвокаты.

— Что спрашивал?

— Не нужна ли помощь. Где дочь. Будет ли заявление для прессы. Видела ли я последние бумаги Льва.

— Какие бумаги?

— Он сказал: «личные».

— А вы?

— Сказала, что нет.

— Это правда?

Она не ответила.

Тихонов перестал делать вид, что ему неинтересно.

Волков ждал.

В комнате тикали часы. Не наручные — настенные, почти

незаметные, встроенные в черную панель у кухни. Тикали тихо, но после разговора о часах звук стал слишком громким.

Ирина Павловна встала и подошла к окну.

— Позавчера Лев оставил здесь папку, — сказала она. — Синюю. Старую, картонную. Я думала, случайно. Потом он вернулся за ней через двадцать минут. Я успела увидеть только первую страницу.

— Что на ней было?

— Фамилии.

— Чьи?

— Не знаю. Я не стала читать.

— Не верю.

— И правильно.

Она обернулась.

— Я увидела одну фамилию.

— Какую?

— Грачёв.

Тихонов тихо выругался.

Волков не изменился в лице.

Ирина Павловна продолжила:

— Там было несколько строк. Фамилии, даты, суммы или номера дел. Я не поняла. Когда Лев вернулся, он был не злой. Испуганный. По-настоящему. Я видела его таким всего два раза.

— Когда второй?

— Когда родилась дочь и врачи сказали, что есть осложнения.

— Что он сказал про папку?

— Что если кто-то спросит, я ее не видела.

— И вы не видели.

— До сегодняшнего дня.

— Почему говорите сейчас?

— Потому что Лев мертв. А те, кто придут после похорон, не поверят, что я ничего не знаю.

— Где папка теперь?

— У него.

— В санатории?

— Не знаю.

— В машине?

— Не знаю.

— У адвоката?

— Возможно.

Волков встал.

— Нам нужен компьютер вашего мужа, его личные вещи, документы, доступ к домашним камерам и список всех, кто приходил за последние семь дней.

— Для этого нужен официальный запрос.

— Будет.

— А до него?

— До него вы решите, хотите ли вы, чтобы запрос пришел от нас или от тех, кто будет искать синюю папку без прото-

кола.

Она посмотрела на него с усталой ненавистью.

— Вы все одинаковые.

— Нет.

— Потому что вы спокойнее?

— Потому что одинаковые люди задавали бы сейчас вопрос: что вы готовы дать за защиту. Я спрашиваю другое: что вы уже потеряли, но еще не поняли.

Фраза ударила сильнее, чем Волков ожидал.

Ирина Павловна закрыла глаза.

На секунду она стала старше. Не на год и не на пять — на весь брак сразу.

— Лев вчера отправил мне сообщение, — сказала она.

— Покажите.

— Я удалила.

— Восстановим.

— Нет.

— Почему?

— Потому что оно было не в телефоне.

Волков ждал.

Она подошла к книжной полке, достала тонкий том в серой обложке — что-то по архитектуре, дорогую подарочную книгу, которую никто не читает. Из середины выпал сложенный лист.

Ирина Павловна подняла его и протянула Волкову.

Лист был небольшой. Без конверта. Написано от руки.

Почерк уверенный, резкий.

«Если завтра все станет тихо, не верь тишине. Увези дочь.

Не ищи меня через людей Г. Часы — не им. Синяя папка — не страховка. Страховка в том, кто помнит».

Подписи не было.

— Когда вы это нашли?

— Утром. После звонка Грачёва.

— Почему не сказали сразу?

— Потому что там написано: не верь тишине. А вы все пришли очень тихо.

Тихонов подошел ближе и прочитал через плечо Волкова.

— «Людей Г.» — это Грачёв? — спросил он.

— Возможно, — сказал Волков.

— А «часы — не им»?

— Значит, часы предназначались кому-то другому.

— Или их нельзя было отдавать тем, кто пришел.

Ирина Павловна снова села.

Теперь она выглядела не вдовой без слез, а человеком, который слишком долго держал дверь закрытой и услышал, как с другой стороны уже подбирают ключи.

— Ирина Павловна, — сказал Волков, — кому ваш муж мог доверять?

Она посмотрела на него так, будто вопрос был почти смешным.

— Лев никому не доверял.

— Тогда кому мог доверить то, что не хотел потерять?

Она молчала.

Потом сказала:

— Человеку, которого считал слабее себя.

— Почему?

— Сильного он бы боялся. Равного — подозревал. А слабого мог не заметить.

— Имя.

Она покачала головой.

— Я не знаю.

— Но можете предположить.

— Тамара Суханова.

Волков и Тихонов переглянулись.

— Почему она? — спросил Волков.

— Она много лет работала в «Лазурном склоне». Знала старые корпуса, архивы, ходы, людей. Лев относился к ней как к мебели. А мебель иногда слышит больше гостей.

— Они общались?

— Он говорил, что старые сотрудники — это плесень. Их можно вывести только вместе со стенами.

— И при этом мог ей что-то доверить?

— Нет. Он мог спрятать что-то рядом с ней, не считая ее человеком, который поймет.

Волков убрал записку в папку.

— Это останется у нас.

— Я знаю.

— Вы получите копию протокола.

— Я не про бумагу.

Он посмотрел на нее.

Ирина Павловна сказала:

— Я знаю, что после этой записки она уже не моя.

Телефон Тихонова снова завибрировал. Он посмотрел на экран.

— Грачёв.

— Не отвечай, — сказал Волков.

— Третий раз.

— Значит, вопрос не срочный. Срочные решают не звонками.

Снаружи, где-то внизу, послышалась сирена — негромкая, приглушенная стеклами. Город занимался своими авариями, пробками, пляжами, сообщениями и страхами.

Ирина Павловна вдруг спросила:

— Вы найдете, кто его убил?

Волков не ответил сразу.

Плохие следователи обещали. Хорошие ввали аккуратнее. Волков не хотел быть ни тем, ни другим.

— Я найду, кому была нужна его смерть, — сказал он.

— Это не одно и то же.

— Почти никогда.

Она кивнула, будто этот ответ ей понравился больше обещания справедливости.

У двери Волков остановился.

— Последний вопрос. Вы сказали, что Лев боялся не

смерти.

— Я сказала?

— Нет. Но подумали.

Ирина Павловна долго смотрела на него.

Потом сказала тихо:

— Лев не боялся умереть. Он слишком любил себя, чтобы всерьез верить в конец. Он боялся другого.

— Чего?

— Что его оставят живым.

Тихонов нахмурился.

— В каком смысле?

Она перевела взгляд на море.

— В таком, где человек дышит, ест, говорит, ходит, но уже не распоряжается ни именем, ни деньгами, ни семьей, ни даже собственным страхом. Для Льва это было хуже смерти.

Волков открыл дверь.

В коридоре их ждал охранник. Слишком близко к квартире. Стоял слишком прямо. И телефон убрал в карман слишком быстро.

Тихонов заметил тоже.

— Скучали? — спросил он.

— Я вас провожу, — сказал охранник.

— Конечно, проводишь.

Они вошли в лифт.

Когда двери закрылись, Тихонов тихо сказал:

— У нас теперь есть записка, фото, синяя папка, Сухано-

ва, Бельский, Грачёв и мертвый Аронов без часов. Хорошее утро.

Волков смотрел на цифры этажей, которые загорались одна за другой.

— Нет.

— Что нет?

— Хорошее утро будет, когда мы поймем, кто из них нам это утро написал.

Лифт спустился вниз.

У выхода охранник задержался, будто хотел что-то сказать, но передумал.

Волков остановился рядом с ним.

— Когда будете решать, говорить или нет, — сказал он, — помните: те, кто молчит первыми, часто кричат последними.

Охранник побледнел.

— Я ничего не знаю.

— Это временно.

Они вышли на улицу.

Дождь наконец начался — мелкий, холодный, почти невидимый. Он ложился на стекла машин, на камень у подъезда, на пальто Волкова. Смывал пыль. Но не грязь.

Тихонов открыл машину.

— К Сухановой?

Волков сел, достал из папки лист Аронова и еще раз прочитал строку:

«Страховка в том, кто помнит».

— К Сухановой, — сказал он.

Машина выехала из комплекса.

В зеркале заднего вида Волков увидел, как охранник у будки достал телефон и быстро набрал номер.

Он не стал просить Тихонова остановиться.

Иногда полезнее не мешать человеку докладывать.

Особенно если хочешь узнать, кому.

Глава 6

Последний звонок

Тамара Суханова жила в старой пятиэтажке в Хосте. В подъезде пахло кошками, мокрой штукатуркой и аптечными таблетками — таким запахом, который не выветривается даже летом.

Дом стоял между аптекой, продуктовым магазинчиком и детской площадкой, давно забытой даже местными. Ржавые качели там скрипели без всяких детей — от ветра, от старости, от привычки. Туристы такие места в Сочи не замечали. Им показывали море, пальмы, новые фасады и рестораны с видом. Настоящие свидетели города жили здесь: за облупленными дверями, под гудящими лампами, рядом со старыми счетчиками и почтовыми ящиками, где фамилии писали от руки и потом не трогали десятилетиями.

Тихонов припарковался у подъезда, заглушил двигатель и посмотрел на окна.

— Вот тебе и человек, который может помнить лишнее. Даже дом у неё такой, будто ничего не выбрасывал.

Волков вышел из машины.

Дождь прибавил. Не ливень — мелкая южная пакость, от которой сначала думаешь, что обойдется, а через десять минут уже мокрый насквозь. Воздух пах бетоном, листьями и кислым духом от мусорных баков.

— Квартира? — спросил Волков.

— Тридцать вторая. Четвёртый этаж.

— Лифта нет?

— Есть. Но он не работает с две тысячи шестого, судя по лицу подъезда.

Внутри держался полумрак. На первом этаже висело объявление: «Уважаемые жильцы! Просьба не оставлять пакеты с мусором у дверей». Ниже кто-то ручкой дописал: «И людей тоже». На соседней стене черным маркером вывели стрелку и слово «море» — будто дому надо было напоминать, где он вообще стоит.

Они поднялись на четвёртый этаж.

Дверь у Сухановой была старая, коричневая, с двумя замками и маленькой иконкой над глазком. Коврик лежал ровно. Даже чересчур ровно для подъезда, где все вокруг жило немного набок. На ручке держалась капля воды.

Свежая.

Волков остановился.

— Она выходила недавно, — сказал Тихонов.

— Или кто-то заходил.

Он нажал звонок.

За дверью было тихо.

Тихонов постучал костяшками пальцев.

— Тамара Ивановна? Это из управления. Откройте, пожалуйста.

Снова тишина.

В квартире напротив зашевелились почти сразу. Слишком быстро для случайного любопытства. Щелкнул замок, дверь открылась на цепочку, и в щели появился глаз — маленький, острый, женский.

— Её нет, — сказала соседка.

— Добрый день, — сказал Тихонов.

— Для кого как.

— Вы знаете, где Тамара Ивановна?

— А вы кто?

Тихонов показал удостоверение.

Цепочка не снялась, но щель стала чуть шире.

— Опять? — спросила женщина.

Волков задержал взгляд на неё.

— Что значит «опять»?

— Утром уже были.

— Кто?

— Не знаю. Мужчины.

— Сколько?

— Двое.

— В форме?

— Нет. Сейчас все без формы ходят, чтобы страшнее бы-

ло.

Женщина была лет семидесяти, с короткими седыми волосами и лицом, которое давно перестало притворяться приветливым. В руке она держала полотенце. Сухое. Значит, вышла не из кухни, а стояла у двери и слушала.

— Во сколько они были? — спросил Волков.

— После девяти. Может, ближе к десяти.

— Они вошли?

— Нет. Она им не открыла.

— Вы видели?

— Слышала.

— Что говорили?

Соседка прищурилась.

— А вы точно из управления?

— Точно.

— Тогда сами должны знать, что через дверь все плохо слышно.

— Но вы слышали.

Она вздохнула.

— Один говорил спокойно. Просил открыть. Второй молчал. Тамара сказала, что вызовет полицию. Он ответил, что полиция уже знает.

— И что потом?

— Они ушли.

— Сразу?

— Не сразу. Постояли. Потом один сказал: «В четыре у

вас всё равно будет встреча». И они ушли.

Тихонов перевел взгляд на Волкова.

В четыре.

Марина.

— Суханова после этого выходила? — уточнил Волков.

— Да.

— Когда?

— Минут через двадцать. С сумкой.

— Какой?

— Черной. Маленькой. С которой она на рынок ходит.

— Она сказала, куда?

— Тамара не из тех, кто докладывает соседям.

— Но вы знаете.

Соседка посмотрела на него без всякого смущения.

— Конечно знаю. Она спросила, не видела ли я у подъезда серую машину.

— Какую серую машину?

— Обычную. Иномарку. Номера не запомнила.

— Она боялась?

— Тамара Ивановна всю жизнь в санатории проработала.

Таких людей испугать трудно. Но сегодня она была не испуганная.

— А какая?

Женщина подумала.

— Прощальная.

Слово повисло в подъезде неприятно точно.

Волков перевел взгляд на дверь Сухановой.

— У вас есть её телефон?

— Есть.

— Звонили?

— Она выключила. Я звонила.

— Почему?

— Потому что она оставила мне ключ.

Тихонов удивленно поднял брови.

— Когда?

— Утром. Перед тем как уйти. Сказала: если до вечера не вернусь, отдай Нине.

— Какой Нине?

— Племяннице. Или внучатой племяннице. Я в их родне не разбираюсь.

— Ключ у вас? — спросил Волков.

Соседка замолчала.

Теперь вопрос стал настоящим.

До этого она говорила потому, что ей было страшно и интересно. Но ключ был границей. Отдать ключ — значит стать участником. В старых домах люди могли слышать все и помнить все, но участвовать не любили. Участие приносило стук в дверь ночью, просьбы дать показания, чужую месть и бессонницу.

— Послушайте, — сказал Тихонов мягче. — Если Тамара Ивановна в опасности, нам надо понять, что происходит.

— Вы все так говорите, когда вам надо чужую дверь от-

крыть.

— А вы не открывайте. Откроем официально.

— С понятыми, шумом, протоколом, соседями на лестнице, — добавил Волков. — Если внутри есть то, что она хотела спрятать, к вечеру об этом будут знать все, кому не надо.

Соседка посмотрела на него.

— А вы умеете просить так, будто угрожаете.

— Я умею считать последствия.

Она закрыла дверь.

Тихонов тихо сказал:

— Сейчас пошлет.

За дверью загремела цепочка. Женщина снова открыла, уже шире, и протянула ключ.

— Я с вами.

— Нет, — сказал Волков.

— Тогда ключ не дам.

— Это может быть опасно.

— Молодой человек, я сорок лет прожила с алкоголиком, для которого топор был семейным аргументом. Опасность — это когда ты заранее знаешь, что будет вечером, и все равно ставишь ужин на плиту.

Тихонов невольно уважительно кивнул.

— Лидия Семеновна, — сказала она. — Чтобы потом в протоколе не писали «соседка».

Волков взял ключ.

— Хорошо. Стойте за нами.

— Я не глухая, чтобы стоять впереди.

Квартира Сухановой открылась с трудом. Замок заедал. Волков толкнул дверь плечом, и она впустила их в узкую прихожую, где пахло старыми книгами, валерьянкой и постиранным бельем.

Внутри было чисто.

Не богато, не уютно в рекламном смысле, но аккуратно до жесткости. Обувь стояла парами. Пальто висело ровно. На тумбочке — ключница, очки, квитанции, маленькая иконка, коробка с таблетками. На стене — календарь с видом моря за прошлый год. Текущий год начался, но календарь не сменили.

Иногда люди оставляли старый год на стене не из забывчивости. Просто от нового они уже ничего приличного не ждали.

— Ничего не трогать, — Волков сказал это ровно.

— Да я уж поняла, — ответила Лидия Семеновна.

Тихонов прошел в комнату.

— Чисто.

— Не трогали?

— На первый взгляд нет.

Волков медленно осмотрел прихожую.

Взлома не было. Но это мало значило. Если утром приходили те, кто умел разговаривать через дверь, вечером могли прийти те, кто имел ключи.

На полке у зеркала лежал сложенный листок.

Волков не взял его сразу. Сначала посмотрел вокруг. Лист лежал чересчур заметно. На нем было написано крупно, шариковой ручкой:

«Л.С., не пускай никого, кроме Нины».

— Это мне, — сказала соседка.

— Почему не забрали?

— Не видела. Видимо, оставила после того, как я дверь закрыла.

Волков задержал взгляд на обратную сторону.

Пусто.

Записка была настоящей по смыслу и фальшивой по положению. Человек, который не хочет пускать никого, обычно не оставляет предупреждение внутри квартиры, куда уже должен попасть тот, кто предупреждение прочитает. Значит, Суханова торопилась. Или хотела, чтобы записку нашли не только Лидия Семеновна.

В гостиной стоял старый сервант, книжная стенка, телевизор с толстой рамкой и диван, накрытый пледом. На стенах — фотографии: молодой мужчина в военной форме, девочка с букетом, группа сотрудников на фоне санаторного корпуса. На одной фотографии Волков узнал «Лазурный склон» — ещё живой, белый, солнечный, с открытой лестницей к морю и людьми в летней одежде.

Суханова стояла на фото в первом ряду. Моложе, крепче, с прямой спиной. Рядом с ней — молодой Аронов, ещё не толстый, ещё не похожий на человека, который покупает

чужие судьбы оптом. Он улыбался уверенно. Люди вокруг улыбались осторожнее.

— Это когда? — спросил Волков.

Лидия Семеновна подошла ближе.

— Наверное, конец девяностых. Может, начало двухтысячных. Они тогда все ещё верили, что санаторий сохранят.

— Аронов уже был владельцем?

— Владелец? — соседка хмыкнула. — Тогда он ещё приезжал как инвестор. Красиво говорил. Обещал ремонт, рабочие места, бассейн, новую столовую. Тамара говорила: когда человек неприлично много обещает, значит, он уже знает, что отнимет.

— Она не любила Аронова?

— Она людей вообще не любила. Но справедливо.

Тихонов из кухни позвал:

— Артём.

Волков прошел к нему.

Кухня была маленькая, с желтыми шкафчиками, старым холодильником и круглым столом у окна. На столе стояла чашка с недопитым чаем. Чай покрылся тонкой пленкой. Рядом — тарелка с половиной куска хлеба и аккуратно очищенное вареное яйцо.

Суханова, похоже, садилась завтракать.

Потом передумала. Или ее заставили передумать.

Тихонов показал на телефон, лежавший у розетки.

Стационарный.

— Она звонила Аронову не с мобильного, — сказал он.

— Мобильный выключен. А вот этот работал.

Волков задержал взгляд на аппарат.

Старый, белый, с крупными кнопками. На бумажке рядом были записаны номера: поликлиника, аптека, Нина, Лидия, аварийная газовая, ещё несколько фамилий. Внизу, другим почерком, было написано:

«Если срочно — Л.Д.»

Номер был не тот, что в официальных контактах Аронова.

— Это его личный? — спросил Тихонов.

— Один из.

— Думаешь, она звонила ему на него?

— Нет.

— Почему?

— Потому что если бы звонила на записанный номер, не оставила бы бумажку.

Волков наклонился к телефону.

На дисплее высвечивался последний набранный номер.

Он совпадал с номером, зарегистрированным на мёртвого Корнеева.

Тихонов тихо присвистнул.

— Вот тебе и старушка.

Лидия Семеновна, стоявшая в дверях, спросила:

— Что такое?

— Тамара Ивановна звонила по важному номеру, — сказал Волков.

— Она всю жизнь звонила по важным номерам. В санатории без этого нельзя. То труба, то начальство, то отдыхающий из Москвы потерял вставную челюсть и требует директора.

Волков нажал кнопку повторного вызова.

Тихонов вопросительно посмотрел на него, но не остановил.

Гудок.

Второй.

Третий.

На четвёртом звонок сбросили.

Не автоответчик. Не отключение.

Сбросили.

Волков положил трубку.

— Живой, — сказал Тихонов.

— Или рядом с живым.

— Перезвонит?

— Нет.

Через пять секунд стационарный телефон зазвонил.

Лидия Семеновна вздрогнула так резко, что схватилась за косяк.

Тихонов потянулся к трубке, но Волков поднял руку.

Звонок продолжался.

Один.

Второй.

Третий.

Волков взял трубку и молчал.

На линии тоже молчали.

Но это было не пустое молчание. Далеко на фоне слышался шум. Не улица. Скорее помещение. Гул вентиляции или старого холодильника. Потом — дыхание.

— Тамары Ивановны нет дома, — сказал Волков.

Секунда.

Связь оборвалась.

Тихонов глянул на аппарат.

— Ну вот теперь мне стало неудобно.

— Уже?

— Я медленно разгоняюсь.

Волков снова посмотрел на номер.

Суханова позвонила Аронову или тому, кто скрывался за номером Корнеева, за день до смерти. Сегодня кто-то с этого номера сбрасывает и перезванивает на её домашний. Значит, номер не был мёртвым техническим хвостом. Он был действующим каналом.

Канал, который кто-то держал открытым.

— Артём, — позвал Тихонов из комнаты.

Он стоял у серванта, держа в руках старый фотоальбом. На столе уже лежали несколько фотографий.

— Я ничего не трогал. Он был открыт.

Волков подошел.

Альбом действительно лежал раскрытым на нижней полке, будто его недавно смотрели и не успели убрать. На

странице — фотографии сотрудников «Лазурного склона». Праздники, субботники, открытие корпуса, чей-то юбилей. Люди менялись, старели, исчезали. Санаторий на заднем плане сначала выглядел живым, потом все более уставшим.

Одна фотография была вынута из уголков и перевернута. Волков аккуратно поднял её за край.

На лицевой стороне — группа мужчин за длинным столом. Аронов, Грачёв моложе лет на десять, ещё двое неизвестных и человек с лицом, от которого у Волкова внутри что-то коротко напряглось.

Не потому, что он узнал его.

Потому что видел половину этого лица час назад — на обрезке фотографии у вдовы.

Сухой мужчина в очках.

Тот самый.

— Вот он, — сказал Тихонов.

— Да.

— Кто?

— Пока лицо.

— Лица обычно имеют привычку превращаться в проблемы.

На обратной стороне фотографии была надпись: «Южный корпус. Закрытая комиссия. 2014».

Год смерти отца.

Волков положил фотографию на стол.

Некоторые даты не повторялись. Они возвращались —

как люди, которым однажды не открыли, а они все равно нашли дорогу назад.

— Лидия Семеновна, — сказал он, — Тамара Ивановна рассказывала про две тысячи четырнадцатый?

— Кто же у нас про него не рассказывал.

— В связи с санаторием.

Соседка помолчала.

— Тогда много чего случилось. Людей увольняли, корпуса закрывали. Какие-то документы вывозили. Ночью машины приезжали. Тамара после этого месяц почти не спала.

— Почему?

— Говорила, что санаторий перестал быть лечебницей. Стал складом.

— Складом чего?

— Она не объясняла.

— Вы спрашивали?

— Конечно. Я же не мебель.

— И?

— Она сказала: «Чужой памяти».

Тихонов медленно выдохнул.

— Красиво.

— Страшно, — поправил Волков.

На кухне снова зазвонил телефон.

На этот раз Лидия Семеновна тихо перекрестилась.

Волков подошел и поднял трубку.

— Да.

Сначала снова молчание.

Потом голос.

Женский.

Старый, но твердый.

— Кто это?

Волков не сразу ответил.

Тихонов, стоявший рядом, напрягся.

— Тамара Ивановна? — спросил Волков.

— Я спросила первая.

— Артём Волков. Управление.

Пауза вышла неровной.

— Уходите из моей квартиры.

— Вы в опасности.

— Я в ней давно живу. Не надо выдавать это за ваше открытие.

Голос был сухой, хрипловатый, с той особой усталостью, которая бывает у людей, привыкших командовать бытом, больными, документами и чужой паникой.

— Где вы? — спросил Волков.

— Там, где должна быть.

— На рынке?

Пауза стала чуть длиннее.

— Лида рядом?

— Да.

— Передайте ей, что ключ она отдала зря.

Лидия Семеновна услышала свое имя и побледнела.

— Она пыталась помочь, — сказал Волков.

— В нашем возрасте помощь — это когда не лезут умирать вместе.

— Вы встречаетесь с Мариной Крыловой в четыре.

— Не ваше дело.

— Уже мое.

— Нет, молодой человек. Ваше дело — делать вид, что вы служите закону. Мое — успеть сказать то, что я неприлично долго боялась.

— Крылову используют.

— Всех используют.

— Вас тоже.

— Меня уже использовали. Сначала санаторий. Потом людей. Потом память. Осталось только выбрать, кто будет пользоваться остатками.

— Вы звонили Аронову вчера.

— Нет.

— Номер Корнеева.

Она промолчала.

Теперь он попал.

— Кто такой Корнеев? — уточнил Волков.

— Мёртвый человек.

— Это я знаю.

— Тогда знаете достаточно.

— С этого номера звонили отцу.

Тихонов резко посмотрел на него.

Он не ожидал, что Волков скажет это вслух.

На линии стало очень тихо.

Даже фоновый шум будто отдалился.

— Как вас зовут? — спросила Суханова.

— Артём Сергеевич Волков.

— Сергеевич...

Она произнесла отчество не как формальность. Как ключ, проверяющий замок.

— Сергей Михайлович был вашим отцом?

— Да.

Тихонов отвел взгляд.

Лидия Семеновна стояла в дверях кухни неподвижно.

— Уходите из моей квартиры, — повторила Суханова. Но голос изменился. Стал ниже. — И не ищите меня до четырех.

— Почему?

— Потому что если вы найдете меня раньше, я ничего не скажу.

— А если вас найдут другие?

— Значит, я плохо пряталась.

— Тамара Ивановна.

— Ваш отец тоже думал, что можно успеть раньше них.

— Кого?

— Тех, кто не торопится.

Волков сжал трубку.

— Вы знали моего отца?

— Я видела его один раз. Этого хватило, чтобы понять:

он пришел не за бумагами. Он пришел за человеком.

— За кем?

— В четыре, — сказала она. — Старый рынок. Павильон с тканями. Пусть журналистка придет одна. Вы — нет.

— Я всё равно приду.

— Тогда она умрет первой.

Связь оборвалась.

Волков не сразу положил трубку.

Тихонов на этот раз промолчал.

Потом сказал:

— Она блефует?

— Нет.

— Откуда знаешь?

— Она боится не нас.

— А кого?

Волков глянул на фотографию с комиссией. Аронов, Грачёв, неизвестные, человек в очках. На обороте — «2014».

— Тех, кто не торопится.

Лидия Семеновна тихо спросила:

— Тамара жива?

— Пока да.

— Что значит пока?

— Значит, она назначила встречу, на которую придут не только те, кого она позвала.

Соседка села на табурет. Вся её жесткость вдруг осела, как мокрая ткань.

— Она всю жизнь чужие тайны хранила, — сказала она.

— Думала, если молчишь, тебя не тронут.

— Это частая ошибка.

— А какая не ошибка?

Волков промолчал.

Потому что правильного ответа не было. Молчание убивало медленно. Правда — быстрее. Выбор между ними был не моральным, а техническим: где выше шанс дожить до утра.

Тихонов сфотографировал альбом и оборот снимка.

— Забираем? — спросил он.

— Нет.

— Почему?

— Если фотография останется, за ней придут. Если заберем, они поймут, что были мы.

— А если они её уничтожат?

— Значит, подтвердят ценность.

— Ты иногда пугаешь меня логикой.

— Иногда?

— Я берегу твою самооценку.

Волков аккуратно вернул фотографию в альбом, но не так, как она лежала. Чуть сместил уголок. Достаточно, чтобы потом понять, трогали её или нет.

На кухне он вырвал верхний лист из блокнота Сухановой — чистый, без следов — и написал свой номер.

— Если Тамара Ивановна позвонит вам, — сказал он Лидии Семеновне, — не спрашивайте, где она. Спросите, кто

стоит рядом.

— Я не понимаю.

— Если она ответит «никто», значит, говорит свободно.

Если скажет что-то другое — звоните мне.

— А если она не позвонит?

— Тогда к вечеру здесь будет много людей, которые скажут, что хотели как лучше.

Соседка взяла листок.

— Вы такой же, как они?

Тихонов хотел что-то сказать, но Волков ответил первым:

— Нет.

— Все так говорят.

— Я хуже.

Лидия Семеновна посмотрела на него с недоверием.

— Почему же вы тогда помогаете?

— Я не помогаю. Я ищу, кто управляет делом.

— А Тамара?

— Она часть дела.

— Человек она, а не часть.

Волков промолчал.

Эта фраза почему-то задержалась в комнате дольше остальных. Возможно, потому что была лишней. В таких разговорах лишнее часто оказывалось самым точным.

Они вышли из квартиры, закрыли дверь и отдали ключ Лидии Семеновне.

На лестнице Тихонов остановился.

— Артём.

— Что?

— Про твоего отца. Ты специально сказал?

— Да.

— Зачем?

— Проверить, знает ли она имя.

— Проверил?

— Она знала отчество.

— Это плохо?

— Это значит, что отец был для неё не слухом.

Они спустились на первый этаж.

У подъезда стоял парень в серой толстовке и делал вид, что курит. Чересчур молод для жильца этого дома, чересчур сухая сигарета для человека, который стоял под дождем, неприлично новые кроссовки для двора, где вода собиралась в грязные лужи.

Тихонов заметил его одновременно с Волковым.

Парень увидел их и отвернулся.

— Наш? — тихо спросил Тихонов.

— Нет.

— Их?

— Посмотрим.

Они прошли мимо.

Парень достал телефон.

Волков сел в машину, но дверь не закрыл.

— Не заводи.

Тихонов замер.

Парень у подъезда говорил быстро, почти не шевеля губами. Потом убрал телефон и пошел вдоль дома, не оглядываясь. Через десять секунд из-за угла выехала серая иномарка.

Та самая, возможно.

Она не остановилась. Просто медленно проехала мимо подъезда, потом мимо их машины. За рулем сидел мужчина в кепке. Лицо скрывали козырек и отражение мокрого стекла.

Волков смотрел на пассажирское сиденье.

Пусто.

Но на заднем лежал чёрный женский платок.

Машина ушла вниз по улице.

— Едем? — спросил Тихонов.

— Нет.

— Почему?

— Неприлично очевидно.

— А если там Суханова?

— Тогда они хотят, чтобы мы так подумали.

Тихонов сжал руль.

— Иногда машина — это просто машина.

— Иногда.

— Но не сегодня?

Волков задержал взгляд на часы.

До четырех оставалось больше трёх часов.

Суханова просила не искать её до встречи. Угрожала Ма-

риной. Знала отца. Звонила на номер мертвеца. Хранила фотографию с комиссией 2014 года. И говорила так, будто понимала не все, но достаточно, чтобы умереть.

— Сегодня все слишком хотят, чтобы мы смотрели туда, где движение, — сказал Волков.

— Значит?

— Значит, надо смотреть туда, где стало тихо.

— В квартиру?

— В санаторий.

Тихонов медленно повернул голову.

— Ты хочешь вернуться в «Лазурный склон»?

— Нет.

— Тогда куда?

Волков задержал взгляд на фотографию в телефоне: «Южный корпус. Закрытая комиссия. 2014».

— В «Южную орбиту».

— К блогеру?

— К шуму.

Тихонов завел двигатель.

— Начальник точно будет счастлив.

Телефон Волкова завибрировал.

Сообщение от неизвестного номера:

«Если хотите найти Рябого живым, не верьте его последнему видео».

Волков показал экран Тихонову.

Тот перестал улыбаться.

— Ну вот, — сказал он. — Шум тоже начал звать нас по имени.

Волков убрал телефон.

— Поехали.

Машина тронулась с места.

Позади, на четвёртом этаже старой пятиэтажки, Лидия Семеновна стояла у окна и смотрела им вслед. Она держала в руке листок с номером Волкова и впервые за много лет жалела, что не выбросила чужой ключ сразу.

А в квартире Тамары Сухановой, в раскрытом альбоме, фотография закрытой комиссии лежала под чуть другим углом.

И это уже кто-то заметил.

Глава 7

Южная орбита

К «Южной орбите» ехали вдоль старого побережья. Там Сочи быстро переставал быть открыткой и становился обычным рабочим городом: гаражи, подпорные стены, ржавые ворота, бетонные лестницы к морю через заросли и бесконечные заборы. За ними вечно что-то ремонтировали, сносили или просто делали вид, что охраняют.

Тихонов вел машину быстро, но без sireны.

— Может, всё-таки включим мигалку? — спросил он.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тот, кто прислал сообщение, очень хотел

услышать, как мы спешим.

— И мы не спешим?

— Спешим. Только без барабана.

— Это как?

— Без уведомления всех, кто ждет.

Тихонов покосился на него.

— Ты иногда говоришь так, будто тебя в детстве водили не в школу, а в подвал к бывшему разведчику.

— В школу тоже.

— Там хотя бы кормили?

— Плохо.

— Вот откуда все началось.

Телефон Волкова снова завибрировал.

Грачёв.

Третий пропущенный от него и два от секретаря. Потом сообщение: «СРОЧНО ВЕРНИСЬ. БЕЗ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ».

Волков прочитал и убрал телефон.

— Ну? — Тихонов покосился на него.

— Начальник пытается оформить чувства в служебный текст.

— Матерно?

— Пока служебно.

— Значит, ещё терпит.

— Нет. Ещё записывает.

Тихонов усмехнулся, но нервно.

Грачёва Тихонов боялся не по-детски, не как начальника с плохим настроением. Он просто понимал вес. У них прямой запрет почти никогда не оставался запретом. Завтра он становился строкой в рапорте, послезавтра — основанием, а потом крючком, на который тебя подвешивали, когда это кому-то удобно.

Машина свернула с основной дороги на разбитый проезд.

Здесь город менялся сразу. Шум остался за поворотом. Под колесами хрустел старый асфальт, пробитый травой. Слева тянулся бетонный забор — граффити, обрывки объявлений, старая грязь. За ним торчали верхушки кипарисов и серый корпус санатория. Справа склон падал к морю. Вода мелькала между деревьями грязной сталью, с белой пеной у берега.

У служебного въезда стояла машина.

Белая «Киа», старая, с помятым крылом и наклейкой на заднем стекле: «Снимаю правду, пока вы врете».

— Наш герой, — буркнул Тихонов.

— Не герой.

— Пока живой?

— Проверим.

Они остановились метрах в тридцати.

Волков вышел первым.

Дождь ослаб, но всё вокруг уже успело намокнуть. На земле смешались грязь, листья, песок и темные жирные пятна. Пахло гарью, мазутом и мокрым бетоном. Где-то за корпу-

сами стучал лист железа, раскачиваемый ветром.

Тихонов подошел к «Киа».

— Машина открыта.

— Не трогай.

— Я и не трогаю. Я просто морально осуждаю.

Дверца водителя была приоткрыта. Внутри валялись про- вода, упаковка от энергетика, штатив, куртка, коробка с картами памяти. На пассажирском сиденье лежал телефон. Экран был разбит, но не выключен. На нем мигало уведом- ление от Оксаны:

«Никита, ответь. Я вызываю полицию».

— Поздно вызвала, — сказал Тихонов.

Волков задержал взгляд на сиденье.

Пыль, крошки, провод зарядки, мокрый след от рукава на ткани. Телефон лежал так, будто его бросили быстро. Но ря- дом, в углублении между сиденьями, была пустота с четким прямоугольным контуром. Там недавно лежал второй теле- фон или небольшая камера.

— У него было две камеры, — сказал Волков.

— Одна в машине?

— Нет. Одну забрали.

— Или он взял с собой.

— Тогда зачем оставил основной телефон?

Тихонов открыл рот, потом закрыл.

— Чтобы не отследили?

— Он блогер. Для него телефон — не средство связи. Это

орган.

— Значит, забрали.

Волков присел у машины.

Следы у водительской двери были размазаны. Один человек выходил, потом кто-то стоял рядом. Два типа обуви. кроссовки с мелким рисунком и тяжелая подошва, возможно ботинки. Дальше следы уходили к приоткрытым воротам.

Ворота были ржавые, но замок висел новый. Цепь разомкнута. Не срезана. Открыта ключом.

— Кто-то его ждал, — сказал Тихонов.

— Кто-то хотел, чтобы он думал, что его ждут.

— Разница?

— В первом случае это встреча. Во втором — декорация.

Они прошли через ворота.

За ними начиналась узкая дорога к старому пищеблоку. На мокрой земле отпечатались свежие следы шин. Не от «Киа». Широкие, глубже, машина тяжелее. Следы уходили к задней стороне корпуса и дальше, туда, где дорога сворачивала к хозяйственным постройкам.

Волков остановился.

— Две машины.

— Рябой приехал один. Вторая потом?

— Или была раньше.

— Уезжала с ним?

— Возможно.

Тихонов покосился на старый корпус.

— Ты всегда говоришь «возможно», когда уже думаешь «да»?

— Когда думаю «да», я молчу.

— Очень удобно. Никто не проверит.

Пищеблок стоял низким вытянутым зданием с выбитыми окнами. На стене сохранились пятна старой краски, под козырьком висела табличка «Служебный вход», перекошенная и почти чёрная от плесени. Дверь была открыта.

Волков поднял руку, останавливая Тихонова.

Они прислушались.

Внутри капала вода.

Где-то скрипело железо.

Голосов не было.

Тихонов вынул пистолет.

Волков не стал. Пока.

Он вошел первым.

Внутри пахло гарью сильнее. Старой плиткой, сыростью, плесенью и свежим пеплом. Свет попадал через разбитые окна полосами. На полу валялись коробки, ржавые кастрюли, куски проводов и пластиковые папки. У дальней стены стояла металлическая бочка.

В ней ещё тлело.

— Недавно, — сказал Тихонов.

Волков подошел ближе.

Пепел был чёрный, но в середине сохранялось красное тепло. Значит, бумаги жгли меньше часа назад. Возможно,

до приезда Рябого. Возможно, после. Край одного листа торчал наружу, мокрый от дождя, занесенного ветром через окно.

Волков аккуратно вынул его ручкой.

На бумаге уцелело несколько слов:

«...передача объекта...»

Ниже:

«...ответственное хранение...»

И фрагмент фамилии:

«...рачѐв».

Тихонов выругался.

— Грачѐв?

— Или Ткачѐв, — сказал Волков.

— Ты сам в это веришь?

— В буквы — да. В удобство — нет.

Он положил обрывок в файл.

На полу рядом с бочкой лежал след от колена в пыли и грязи. Кто-то приседал, вытаскивал бумаги, снимал. Рябой, вероятно. Рядом — маленькое чёрное пятно.

Волков наклонился.

Кровь.

Немного. Несколько капель, одна размазана подошвой.

Тихонов увидел тоже.

— Живым увели?

— Скорее да.

— Почему не добились здесь?

— Потому что мертвым он сейчас бесполезен.

— Для чего?

Волков глянул на бочку.

— Для следующего видео.

Тихонов поморщился.

— Не нравится мне это.

— Мне тоже.

— Вот теперь действительно тревожно.

В углу что-то блеснуло.

Волков подошел и поднял маленькую пластиковую крышку от карты памяти. Пустую. Рядом валялся клочок ткани — тёмный, синтетический, с запахом мазута. Возможно, от куртки. Возможно, от перчатки.

На стене, у двери в подсобку, свежей грязью была проведена линия. Не надпись. Скорее след от руки, которой человек опирался, когда его толкнули или потащили.

— Егор.

Тихонов подошел.

— Что?

— Посмотри на высоту.

След был на уровне плеча. Рябой был среднего роста. Если его вели, он мог попытаться удержаться за стену.

Тихонов провел взглядом дальше.

— В подсобку.

Дверь в подсобное помещение была приоткрыта.

За ней темно.

Тихонов поднял оружие.

— Никита! — громко сказал он. — Если ты там, отзовись!

Снова тишина.

Они вошли.

Комната оказалась маленькой, без окон. На полу — старые мешки, пластиковые ведра, разбитые банки, мокрые коробки. У стены стоял стул.

Обычный металлический стул.

Свежий.

Он не принадлежал этому месту. Вокруг все было старое, ржавое, забытое, а стул был чистый, недавно принесенный. На спинке — кусок серой клейкой ленты. На полу под ножками — свежие царапины.

— Здесь его держали, — сказал Тихонов.

— Или готовили место.

— Для Рябого?

— Для того, кто придет после него.

Волков осмотрел пол.

Возле стула лежал обрывок бумажного скотча с прилипшими темными волосками. Рядом — пластиковая стяжка. Не затянутая, разрезанная. Значит, руки освобождали или меняли фиксацию.

На стене мелом или белым камнем была написана цифра:

Ниже — короткая черта.

Тихонов нахмурился.

— Четыре?

— Встреча в четыре.

— Думаешь, это Суханова?

— Думаю, нам слишком часто показывают одно и то же время.

— Чтобы мы туда пришли?

— Да.

— А мы?

— Придем.

— Отличный план.

— Но не так, как они ждут.

В этот момент в кармане Тихонова зазвонил телефон.

Он взглянул на экран.

— Оксана. Видимо, та самая.

— Ответь.

Тихонов включил громкую связь.

— Тихонов.

— Где Никита? — женский голос был резкий, сорванный.

— Вы нашли его? Вы из полиции? Я отправила запись, я отправила геолокацию, почему никто...

— Спокойно. Вы Оксана?

— Да. Где он?

— Мы на месте. Его машины нашли. Его самого пока нет.

Пауза была такой плотной, что даже шум дождя стал слышнее.

— Его забрали? — спросила она.

— Мы выясняем.

— Я говорила ему не идти. Я говорила. Он прислал запись, что за ним едет машина, потом перестал отвечать.

Волков взял телефон у Тихонова.

— Оксана, это Волков. Какая запись?

— Он отправил голосовое. Или видео. Я не знаю. Там он говорит, что едет к служебному въезду «Южной орбиты», за ним чёрная «Лада» без переднего номера. Время десять пятьдесят восемь. Потом он написал, что не идиот. Потом стер. Потом тишина.

— Перешлите запись на этот номер.

— Я уже отправила в полицию.

— Теперь сюда.

— Вы кто?

— Человек, который стоит возле его крови.

Она замолчала.

Тихонов перевел взгляд на Волкова неодобрительно, но ничего не сказал.

— Он жив? — спросила Оксана тише.

— Да.

— Откуда вы знаете?

— Если бы его хотели убить, не стали бы оставлять машину, телефон и следы.

— Может, не успели.

— Успели.

— Вы неприлично спокойно говорите.

— Это не равнодушие.

— А что?

— Способ не ошибаться.

Оксана шумно вдохнула.

— Я пришлю запись. Только найдите его.

— Кто мог дать ему материалы?

— Кто угодно. Он всем верил, если информация пахла сенсацией.

— Он говорил о новом источнике?

— Нет. Но утром прислал документы. Таблица по санаториям, фотографии техники, что-то про Аронова. Я сказала не публиковать смерть, пока нет подтверждения.

— Он опубликовал.

— Конечно опубликовал. Никита всегда считал, что осторожность придумали трусы и юристы.

— Враги?

Оксана коротко рассмеялась.

— У него? Полгорода, половина администрации, несколько застройщиков, охрана пляжей, владельцы кафе, которые продавали тухлую рыбу, и один депутат, которого он назвал «памятником самому себе». Но это обычные враги. Эти не похищают. Эти пишут жалобы.

— А необычные?

Повисла пауза.

— Неделю назад ему звонили.

— Кто?

— Не знаю. После звонка он стал дерганый. Сказал, что

есть тема, которая может вывести канал на федеральный уровень.

— Про мазут?

— Нет. Про людей, которые используют катастрофы как занавес.

Волков задержал взгляд на тлеющую бочку.

— Он называл фамилии?

— Одну.

— Какую?

— Бельский.

Тихонов тихо выругался второй раз за пять минут.

— Спасибо, — сказал Волков. — Запись пришлите. И никуда не публикуйте информацию о его исчезновении.

— Почему?

— Потому что те, кто его держит, могут решить, что он уже не нужен.

— А если молчать, он будет нужен?

— Дольше.

— Вы умеете успокаивать людей, Волков.

— Нет.

— Это я уже поняла.

Он вернул телефон Тихонову.

Через минуту пришла запись от Оксаны.

Волков включил.

Голос Рябого был тише, чем в роликах. Без привычной злости. Почти мальчишеский, старающийся казаться уве-

ренным:

— Если со мной что-то случится, я еду к служебному въезду санатория «Южная орбита». За мной, возможно, идет чёрная «Лада» без переднего номера. Время... десять пятьдесят восемь.

Пауза вышла неровной.

В конце записи послышался короткий звук.

Волков поднял руку.

— Ещё раз.

Тихонов перемотал.

— ...без переднего номера. Время... десять пятьдесят восемь.

На фоне — почти неслышный сигнал.

Два коротких гудка.

Тихонов нахмурился.

— Что это?

— Не машина.

— Телефон?

— Нет. Шлагбаум.

— Здесь нет шлагбаума.

— У служебного въезда нет. Значит, он записал это раньше, у другого объекта, или рядом с ним был пульт.

— Или звук из машины, которая ехала за ним.

— Возможно.

Волков снова включил фрагмент.

Два гудка.

Потом слабый металлический скрип.

Он вышел из подсобки и прошел к воротам. Посмотрел на цепь, замок, следы шин, дорогу.

— Здесь ворота открыли заранее, — сказал он. — Рябой не открывал. Он вошел через щель.

— А вторая машина?

— Заехала с другой стороны.

— Там есть другой въезд?

— Должен быть. Санаторий без хозяйственного въезда — как чиновник без второго телефона.

Тихонов пошел вдоль стены и через несколько минут крикнул:

— Есть!

За пищеблоком действительно находилась старая дорога, уходящая к задним корпусам. Там стоял проржавевший шлагбаум. Но рядом был новый механизм — маленький блок на свежем бетонном основании. Неприлично новый для заброшенного объекта.

— Вот тебе и гудки, — сказал Тихонов.

Волков осмотрел механизм.

Шлагбаум был подключен. Провода уходили в пластиковую трубу, протянутую вдоль стены. Рядом в грязи отпечатались следы шин тяжелой машины. Она въезжала внутрь, разворачивалась и уходила назад.

— Его вывезли отсюда, — сказал Тихонов.

— Да.

— Куда?

Волков задержал взгляд на следы.

— Не к дороге.

— В смысле?

— Смотри.

Следы шли не к основному выезду, а вниз, за старый хозяйственный корпус. Там дорога уходила к морю, к закрытому пляжу и складам, которых не было видно с улицы.

— Они не вывозили его в город, — сказал Волков. — Они увезли его глубже внутрь объекта.

— Зачем?

— Потому что здесь есть место, где его можно держать.

— Или заставить записать ещё один ролик.

Волков коротко кивнул.

Тихонов достал рацию, потом остановился.

— Вызывать группу?

— Нет.

— Артём.

— Если вызовем официально, объект закроют до нашего входа.

— А если не вызовем, нас потом закроют.

— Тогда аккуратно.

— Это ты сейчас про тактику или про карьеру?

— Да.

Они пошли по дороге вниз.

«Южная орбита» изнутри оказалась больше, чем обещал

забор. За первым корпусом раскрывался целый хозяйственный мир: спальные корпуса, котельная, склад, прачечная, двор, заросшая аллея к морю. Зброшенным все это было только издали. На нескольких дверях стояли новые замки. Одно окно закрывала свежая фанера. У склада остались следы погрузки. В углу двора лежали черные мешки — аккуратно, под брезентом.

Тихонов приподнял край.

Внутри был песок.

Тёмный, загрязненный.

— Мазут?

Волков провел пальцем по мешку, понюхал.

— Да.

— Они реально что-то вывозили с пляжа.

— Или привозили сюда.

— Зачем привозить грязный песок?

— Чтобы сделать грязным место, которое нужно закрыть.

Или чтобы объяснить, почему оно уже закрыто.

Тихонов медленно опустил брезент.

— Это уже не просто смерть Аронова.

— Нет.

— Это объект.

— И несколько причин, чтобы на него никто не смотрел.

За складом начиналась бетонная лестница к морю. На нижней площадке стояли два человека в оранжевых жилетах. Не волонтеры. Слишком одинаковые куртки, слишком

чистые сапоги, слишком внимательные лица.

Один увидел Волкова и Тихонова.

Секунду они смотрели друг на друга.

Потом оба пошли не к ним, а в сторону нижнего корпуса.

— Эй! — крикнул Тихонов. — Стоять!

Они побежали.

Тихонов рванул за ними.

Волков не побежал сразу. Он смотрел, куда именно они бегут.

Не к выходу.

К корпусу.

Значит, там было важнее, чем свобода.

Он пошел следом быстрым шагом.

Тихонов догнал одного у лестницы и сбил плечом. Второй успел юркнуть в дверь нижнего корпуса. Внутри хлопнул металл.

— Артём! — крикнул Тихонов.

Волков подошел к задержанному.

Мужчина лежал лицом в мокрой листве, ругаясь сквозь зубы. Тихонов заломил ему руку.

— Документы.

— Я волонтер!

— Волонтеры так не бегают, — сказал Тихонов.

— Испугался!

— Поздравляю. Теперь будешь испуганный с протоколом.

Волков присел рядом.

— Где Рябой?

Мужчина замолчал.

— Кто? — спросил он слишком поздно.

Волков глянул на его руки.

Перчатки черные, строительные. На манжете — серый пепел. На правом рукаве — маленькое красное пятно.

— Где Рябой? — повторил Волков.

— Не знаю.

— Ты жег документы.

— Нет.

— Ты держал его?

— Нет.

— Ты стоял рядом, когда его держали.

Мужчина повернул голову, пытаясь увидеть Волкова.

— Я ничего не делал.

— Это не всегда спасает.

Тихонов обыскал его.

— Телефон, ключи, пропуск без фамилии. И вот это.

Он достал из кармана маленькую карту памяти.

Волков взял её.

— Откуда?

— Нашел.

— Где?

— На земле.

— Ты часто подбираешь карты памяти на заброшенных объектах?

Мужчина молчал.

Из нижнего корпуса донесся глухой удар.

Потом ещё один.

Тихонов поднял голову.

— Там второй.

— Иди.

— А этот?

— Я с ним поговорю.

Тихонов колебался.

— Только не убей его без меня. Мне потом объяснять.

— Иди.

Тихонов побежал к корпусу.

Волков остался рядом с задержанным.

Дождь падал на лицо мужчины, стекал по вискам, собирался на ресницах. Он пытался выглядеть злым, но страх уже проступил. Страх всегда появлялся одинаково: человек начинал дышать не тогда, когда надо, а тогда, когда мог.

— Как тебя зовут? — спросил Волков.

— Андрей.

— Фамилия?

— Зайцев.

— Кто тебя нанял?

— Никто.

— Андрей, у тебя есть два варианта. Первый — ты продолжаешь молчать, и я отдаю тебя тем, кто официально займется объектом. Они спишут на тебя документы, Рябого,

бочку, кровь, мешки с мазутом и, возможно, смерть Аронова. Не потому что поверят. Потому что ты подходишь.

— Я не убивал!

— Это неважно.

— Важно!

— Для тебя. Не для версии.

Мужчина сглотнул.

— Второй вариант, — продолжил Волков, — ты говоришь мне, где Рябой, и становишься свидетелем, которого ещё можно использовать живым.

— Вы меня защитите?

— Нет.

Зайцев моргнул.

Он ожидал чего угодно, кроме честного отказа.

— Тогда зачем мне говорить?

— Потому что те, кто тебя нанял, не будут тебя защищать тоже. Но они хотя бы сокрут тебе об этом. Я экономлю время.

Мужчина дышал тяжело.

В нижнем корпусе снова что-то упало. Послышался голос Тихонова:

— Стоять, сука!

Потом удар.

Потом тишина.

Волков не отвел глаз от Зайцева.

— Где Рябой?

— Его увезли.

— Куда?

— Не знаю.

— Неправильный ответ.

— Я правда не знаю! Его посадили в машину. Чёрный микроавтобус. Не через верхний выезд. Через нижний.

— Кто посадил?

— Я не видел лиц.

— Видел.

— Они были в масках.

— Кто командовал?

Зайцев закрыл глаза.

— Человек с голосом учителя.

Волков замер.

Голос учителя.

Фраза из показаний вдовы ещё не звучала. Нет, это говорила не вдова. Это было в будущих нитях дела, в той ещё не открытой части, к которой он только подходил. Но сама формулировка была чересчур точной.

— Почему учителя?

— Потому что говорил спокойно. Как будто объяснял задачу. Не матерился. Не торопился. Сказал Рябому: «Вы неправильно понимаете свою пользу».

— Что ещё?

— Что видео надо будет записать заново.

— Где?

— Не знаю.

— Андрей.

— Не знаю! Клянусь.

— Куда ведет нижний выезд?

— К старой насосной. Потом к дороге на промзону.

— Сколько времени назад?

— Минут сорок. Может, час.

— Кто остался здесь?

— Мы двое. Надо было подчистить.

— Что подчистить?

— Бочку. Стул. Камеры.

— Какие камеры?

Зайцев замолчал.

Волков наклонился ближе.

— Андрей, ты опять путаешь варианты.

— На складе, — быстро сказал тот. — В старом электро-
щитке. Там регистратор. Но нам сказали забрать только кар-
ту.

— Эту?

Он показал найденную карту памяти.

— Да.

— Это единственная копия?

— Не знаю.

— Кто сказал?

— Через телефон.

— Номер?

— Удален.

— Телефон где?

— У второго.

Волков встал.

Из корпуса вышел Тихонов, ведя второго мужчину. У того была разбита губа и очень обиженное лицо человека, который не успел убежать от собственной глупости.

— Этот неразговорчивый, — сказал Тихонов. — Но телефон у него есть.

— Электрощиток на складе, — сказал Волков. — Регистратор.

— Понял.

Тихонов подтолкнул задержанного к Зайцеву и защелкнул обоих наручниками на металлической трубе у лестницы.

— Сидеть. Кричать можно, но бессмысленно.

Они пошли к складу.

Электрощиток нашли за ржавой дверцей в подсобке. Внутри действительно стоял маленький видеорегистратор, подключенный к двум камерам: одна смотрела на хозяйственный двор, другая — на нижний выезд. Индикатор мигал.

— Работает, — сказал Тихонов.

— Пока.

— Забираем?

— Да.

— Официально?

— Потом оформим как случайную находку.

— Я очень люблю законность задним числом.

Он отключил устройство и завернул в пакет.

Волков вставил карту памяти в маленький переходник, который Тихонов носил в машине, как другие носили зажигалку. На экране планшета появились файлы.

Последняя запись.

Двор. Серый день. «Киа» у верхнего въезда. Рябой идет к пищеблоку, оглядывается, держит камеру. Через несколько минут заезжает чёрный микроавтобус без номеров. Из него выходят трое. Один остается у машины. Двое идут внутрь.

Камера без звука.

Через семь минут Рябого выводят.

Он идет сам, но странно. Не сопротивляется, но и не свободен. Руки перед собой. Возможно, связаны. Лицо бледное. Камеры в его руке нет.

За ним идет человек в тёмной куртке.

Лица почти не видно.

Но походка была спокойная. Не охранник. Не бандит. Не исполнитель, привыкший брать силой. Он шел как человек, который знал, что сопротивления не будет, потому что всё уже объяснено.

У микроавтобуса Рябой останавливается.

Человек в тёмной куртке наклоняется к нему и что-то говорит.

Рябой отвечает.

Потом человек поворачивает голову в сторону камеры.

На секунду лицо попадает в кадр.

Размыто.

Но достаточно.

Сухое лицо. Очки. Высокий лоб.

Тот самый человек с обрезанной фотографии.

Тот самый человек с комиссии 2014 года.

Тихонов тихо сказал:

— Вот и учитель.

На записи человек в очках спокойно поднял руку.

Не в камеру.

Кому-то за кадром.

После этого микроавтобус уехал через нижний выезд.

Файл оборвался.

Чёрный экран.

Волков смотрел на него ещё несколько секунд после конца.

— Теперь у нас есть лицо, — сказал Тихонов.

— Нет.

— В смысле нет? Вот же.

— Теперь у нас есть причина, почему это лицо захотят стереть.

Телефон Волкова завибрировал.

Неизвестный номер.

Он ответил.

— Да.

Голос был мужской, спокойный, с лёгкой хрипотцой.

— Артём Сергеевич?

— Слушаю.

— Вы находитесь там, где вам не поручали находиться.

— Вы хорошо информированы.

— Пока да.

— Кто говорит?

— Человек, который советует вам уйти с объекта и забыть карту памяти в бочке.

Волков перевел взгляд на Тихонова.

Тот сразу понял по лицу и напрягся.

— А если нет? — спросил Волков.

— Тогда блогер Рябой запишет очень убедительное признание. Он скажет, что получил материалы от Марины Крыловой, действовал по её указанию, а смерть Аронова использовал ради шантажа.

— Слабая версия.

— Для суда — возможно. Для интернета — достаточно.

— Вы переоцениваете интернет.

— Нет, Артём Сергеевич. Я переоцениваю людей. Они любят верить в грязь, если она пачкает всех сразу.

— Где Рябой?

— Жив.

— Это временно?

— Все временно.

Волков молчал.

Голос продолжил:

— У вас есть карта. У нас есть человек. У журналистки встреча в четыре. У Тамары Ивановны память, которая ей не принадлежит. Сегодня слишком много лишних носителей информации. Подумайте, кто из них вам действительно нужен.

— Вы предлагаете сделку?

— Нет. Я объясняю расстановку.

— Учительская привычка.

На линии впервые появилась пауза.

Короткая.

Но настоящая.

— Ваш отец тоже любил быстрые выводы, — сказал голос.

Тихонов замер.

Волков не изменился в лице.

— И чем это закончилось? — спросил он.

— Тем, что вы сейчас стоите на его старом маршруте и думаете, что идете своим.

Связь оборвалась.

Тихонов тихо сказал:

— Артём.

Волков убрал телефон.

— Собирай регистратор. Задержанных оставляем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.